

А.В. Манин-Уралец

**Роман в новеллах.
Книга 4.
Самоподобие
фрактала**

А.В. Манин-Уралец

**Роман в новеллах. Книга
4. Самоподобие фрактала**

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Роман в новеллах. Книга 4. Самоподобие фрактала / А. Манин-Уралец — «Автор», 2026

Все главы-рассказы в книге 4 романа так или иначе дополняют друг друга исторической канвой, где параллельно с судьбой современников в своем времени живет исторический персонаж - главный герой произведения купец Иван Протасов, осуществивший мечту – поступить на службу в секретные лаборатории литейных цехов императора Петра I. В будущем он – первый российский золотодобытчик. В книге повествуется и о его любви и поиске собственного личного счастья. Московское ведомство «Три кашалота» занимается розыском золота в прошлом и настоящем; попавшая в ведомство информация о блестящей романтической судьбе золотоискателя Протасова заставляет службы «Кашалотов» изучать все имеющиеся и вновь поступающие данные о его жизни в молодые годы. Это приводит к находке сокровищ. Происходящие таинственные события в Москве и Санкт-Петербурге связаны со включением в следственный процесс "цифрового духа" фрактала.

© Манин-Уралец А., 2026

© Автор, 2026

А.В. Манин-Уралец

Роман в новеллах. Книга

4. Самоподобие фрактала

САМОПОДОБИЕ ФРАКТАЛА

(или чудесный Виток завета любви)

Роман детектив-фэнтези в рассказах и мини-повестях.

Книга 4.

В предварении заключительной 4-ой книги мини-серии романов в рассказах и мини-повестях ниже указывается их подробное содержание.

В книге первой:

КАМЕННЫЙ ТРАНСФОРМЕР

(или оживший старый Санкт-Петербург)

I

Дела на профессора Петрегина
и будущего 1-го золотодобытчика Протасова
(Рассказ).

II

Шпион Трюмос Галлонгрэм
в северной столице (Рассказ).

III

Аномальные зеркальные
места Санкт-Петербурга (Рассказ).

IV

Ряд взаимосвязанных случайностей:
любовь и испытание собак
(Рассказ).

V

Должно быть третье звено (Рассказ).

VI

Под кофе:
истории на Смоленском погосте.
Заглянул к приведению – жди Духа
(Рассказ).

VII

Открытие летописного первоисточника об
авантюристе всех времен и народов (Рассказ).

VIII

Выход на «Фабрику зеркал» террористов.
Энергия зеркал (Рассказ).

IX

Любовное приключение Петра I в Белогороде:
событие, отмеченное рядом авторов
(Мини-повесть).

X

Охота за ключом к Зеркальной карте.
Нападение киборга-убийцы (Рассказ).

XI

Мотивы влюбленных фигурантов
в противоборстве с агентурной группой.
Ощущения от похлопывания по плечу
(Рассказ).

XII

Загадка Белогорода и его
Успенско-Николаевского собора
(Мини-повесть).

XIII

Предназначение быть с императорами
(Знак колокола) (Рассказ).

XIV

Петербург-Каменный трансформер,
Зеркальная иррациональность (Рассказ).

XV

Колобродье Духа Яви в мегаполисе
в период невиданного наводнения.
Трансформация имени
(Мини-повесть).

XVI

Необъяснимый перелет
из Новгорода на невские берега.
Первая встреча с врагом (Рассказ).

XVII

Встреча с Замаранихой.
Дух сизого соборного голубя.
Династия охотников за «гиперболоидом»
(Мини-повесть).

XVIII

Силища веселого духа русского.
Симметрия исчисления и умножения зеркал.
О гармонике, пианино и «дьяволоборчестве»
(Мини-повесть).

XIX

Супротив обольщения противника
с его каверзной скандинавской «культурой»
(Рассказ).

XX

Русский заслон:
Царицынград-Воронеж, Сталинград-Воронеж
(Рассказ).

XXI

Игра «Каменный трансформер»
Стрела Амура в женском сердце
(Рассказ).

XXII

Отчет Бюро «Анабиоз»:
Саммит спасен, золотой клад найден
(Рассказ).

XXIII

Как в замочную скважину (Мини-рассказ).

В книге второй:

ПОГРУЖЕНИЕ В МИРАЖ

(или спасение мощей патриарха Никона)

I

Преступление при открытии памятника
Екатерине I.
Противостояние цивилизаций продолжается
(Рассказ).

II

Дело о золотых копиях
или поцелуи миража незнакомки.
Сложные задачи реконструкции событий
(Рассказ).

III

Хрономираж очаровательной шпионки:
свидетельство заговора против государя

(Рассказ).

IV

Свидания на танцах в Замаранихе.

Любовные интрижки (Рассказ).

V

Победа над сердцем незнакомки (Рассказ).

VI

Видения свершившегося будущего.

Предсказания (Рассказ).

VII

Спиритический сеанс с миражом.

Явление царя Алексея и патриарха Никона.

Спасительные миражи: мост и тын

(Рассказ).

VIII

Мираж, вызывающий двойников.

Загадка окаменевшего седалища души

(Покушение на мозг патриарха) (Рассказ).

IX

Золотые птицы. Глюки «Дива миража»

(Рассказ).

X

Контакт с миражом.

Контакт с Эльбрусом и «Эдельвейсом»

Астральные двойники

(Мини-повесть).

XI

Мимолетное любовное свидание (Рассказ).

XII

Встреча с настоящей любовью...

и с вечным врагом (Рассказ).

XIII

След к камню любви сокровищ Монтесумы.

Письмо индианки в Московию.

Видения любви (Мини-повесть).

XIV

Сношения Ивана Грозного

С английской королевой.

Сакральные картины и скульптуры

(Мини-повесть).

XV

Подозревается суккльптор Чудовин (Рассказ).

XVI

Сведения о «железном чемоданчике»

Исчезновение Женевской грамоты (Рассказ).

XVII

В трактире «Медведь и росомаха»

Иван и Лука: первый шаг к дружбе (Рассказ).

XVIII

Изумление учителя фехтования.

Ход конем: в любовный треугольник

(Рассказ).

XIX

Дуэль насмерть. Если бы не поп... (Рассказ).

XX

Фабрика зеркал хрономиражей.

Ответный шаг соперника в любви (Рассказ).

XXI

Поединок: подробности от Дива.

Во имя тайны:

о незаконнорожденном сыне императора

(Мини-повесть).

XXII

Див из-за океана.

Бегство из Порт-Ройяла

(Мини-повесть).

XXIII

Хитрость западной дипломатии разгадана:

или загадка похвалы двум царям.

Всполохи минувших событий

(Рассказ).

XXIV

Позорная нота протеста.

Все, что смотрит в тебя (Рассказ).

XXV

Покорение высоток (Рассказ).

XXVI

Одиночество необъяснимой силы
(Рассказ).

XXVII

Мифическое золото ордынцев.
Мифическое золото Нового Иерусалима
(Рассказ).

XXVIII

Альдигердия и императрица.
Заговорщицы. Сны. Перелет в Москву
(Рассказ).

XXIX

Спасение мощей Никона
(Крах заговорщиков) (Мини-повесть).

XXX

Искус грехопадением в Эдеме
(Эпилог).

В книге третьей:

РАЗДВОЕНИЕ МОЛОХА

(или крылатый Телец, спасающий детей)

I

Библейский Молох и
древнеславянский Молокк:
разъяснение профессора Петрегина
(Рассказ).

II

Свидетельство бывшего пострадавшего.
Новые данные о Молохе и Молокке.
Все сводится к ритуальному убийству?
(Рассказ).

III

Секта культа защиты женщин:
кеплериты против западной толерантности
(Рассказ).

IV

Слеза прозрения бедного дитя:
нужна гигантская метаморфоза!
Попытка харакири шизофреника
(Мини-повесть).

V

Лучик света у пленницы.
Колокольня «греческого дома»: след (Рассказ).

VI

Тайны трактирщика Давида
О Златоусте, Молокке
и царе-«антихристе» (Рассказ).

VII

Золотой кораблик Адмиралтейства.
Тайна золотого шара.
Письмо высотницы в Кремль (Мини-повесть).

VIII

Судный час: спасение любви (Рассказ).

IX

Шапка Мономаха: заговор старообрядцев.
Странные истории с отрыванием голов.
Допрос Хомы Ротощева (Рассказ).

X

Психологический анализ. Каверзные
чуждые «я» в теле человека (Рассказ).

XI

Контакт с Молокком: переселение детей.
Страна молока и меда.
Тайна Эльбруса (Мини-повесть).

XII

Затруднение шефа «Сократа»
Несколько «я» в одном преступнике (Рассказ).

XIII

Идол Запада в пробирке против русского дитя.
Прибор «Молох» против рожениц.
Казус с оторванной головой (Рассказ).

XIV

Управляемые заповеди.
Генная «метка Молоха» и «метка Молокка»
Царские распутство и праведность (Рассказ).

XV

Образование, сундук – и в высший свет!
(Рассказ).

XVI

Высший свет.

Фокус с золотым империалом.

Партия в карты, турнир-дуэль и коварство
(Мини-повесть).

XVII

Призрак-«птица» с перепончатыми крыльями.

Добрый самаритянин (Рассказ).

XVIII

Русско-американский бородач: Дух воздуха.

Цели секты Кореня проявляются (Рассказ).

XIX

Протоинквизитор и племянник.

Интриги, интриги.

Компрометирующий материал (Рассказ).

XX

Впервые в графском доме:

головокружительные перспективы.

Один из тысяч избранных?... (Рассказ).

XXI

В секте Златоуста: за русский мир (Рассказ).

XXII

Подведение итогов (Вместо эпилога).

В книге четвертой заключительной:

САМОПОДОБИЕ ФРАКТАЛА

(или чудесный Виток завета любви)

I

«Фавонечи» близко к числам Фибоначчи.

Бочонки с порохом или золотом (Рассказ).

II

Что вершилось в «Городе чекистов»

Тайна растущих идолов и голубой реки
(Рассказ).

III

Фрактальный тролль (Рассказ).

IV

В зимнем саду «капустой Романеско» (Рассказ).

V

Золотая монета императору
от казненного фальшивомонетчика (Рассказ).

VI

Дело об убийстве платиновой ретортой
(Рассказ).

VII

В «лабиринтах» серебряного рудника.
Искатель, насильник, жертва.
Алхимики и сектанты XXI века
(Мини-повесть).

VIII

Слухи о лабиринте царя-«антихриста»
и о посещении графом Осетровым Америки.
Явление старцев и дочери Лизаветы
(Мини-повесть).

IX

Дознание овенила Мармона.
Золото, добываемое с помощью фрактала.
Порошок слежки из намагниченной фигуры
(Мини-повесть).

X

В писуарной картинной галерее.
Бегство на «Жигулях» водилы Алика
(Рассказ).

XI

Глюк «Блика».
Контакт с «Чудесным Витком завета»
Мякушаня и шестой орган чувств (Рассказ).

XII

Офеняне и Соловей разбойник.
Тайна серебра и золота Синей речки
(Мини-повесть).

XIII

На перекрестье лучей правды.
Слунтяиты и гармония тольтеков.
«ДНК» спиралей компьютера и фрактала
(Рассказ).

XIV

Ревизия лавки инквизиционной «тройкой»
(Рассказ).

XV

Погружение в новые тайны царедворца:
Загадочная металлическая трость
(Рассказ).

XVI

Сцены взаимосвязанных пьес.
Фрактал самого грозного.
Числа трости (Мини-повесть).

XVII

Копия жезла и казна Запорожской Сечи
(Рассказ).

XVIII

Свершилось: милость императора!
В чудесной лаборатории (Рассказ).

XIX

Опыт. Доверие. Нефритовые бочки.
Возмужание.
Любовь (Рассказ).

XX

Пылкая любовь.
Объятия в паре с миражом (Мини-повесть).

XXI

Сбор сектантов: таинства.
Пылкая связь Ивана и Лизаветы наяву.
Свершение Витка завета: рождение плода
(Мини-повесть).

XXII

Тринадцать пластин и тринадцать свечей,
или вырастут ли рога у Петра:
видение кончины государя (Рассказ).

XXIII

Несовместимое – совместить,
Совместимое – рассовместить!
Петля Пуанкаре и 7 форм «Волшебника»
(Рассказ).

XXIV

Явление эротического из прошлого:

Лизавета собственной персоной
(Мини-рассказ).

XXV

Последствия виртуального свидания.
Нечаянные драгоценные лигатуры.
Самая большая золотая цепь (Рассказ).

XXVI

У графа: постижение тайн и планет;
создание и уничтожение мира.
Квадратура иерусалимских очертаний
(Рассказ).

XXVII

Чудесное получение сверхпрочной пушки.
Нежданный преприятнейший гость.
(Рассказ).

XXVIII

Бедный жених: первое фиаско (Рассказ).

XXIX

Интриги, политесы, служба (Рассказ).

XXX

Поиск частицы Бога:
дробление единицы и пустоты (Рассказ).

XXXI

Участь раскольников: прощание
(Мини-повесть).

XXXII

Что с водой в нефритовой бочке?
Генерал и девушка (Рассказ).

XXXIII

Ближе к сути:
секрет золотометательной машины.
Голубая река и голубые мечты (Рассказ).

XXXIV

Развязка служебного романа
(Мини-рассказ).

Фрактал любви Дуги Мироздания:
Золотое сечение (Полопалили и победили)
(Вместо эпилога).

I

«ФАВОНЕЧИ» - БЛИЗКО К ЧИСЛАМ ФИБОНАЧЧИ. БОЧОНКИ С ПОРОХОМ ИЛИ ЗОЛОТОМ?

(Рассказ)

Целый ряд подразделений ведомства «Три кашалота» с утра был подключен к делу об убийстве ученого физика Фаворита Нестеровича Чистяева.

В архивном фонде «Золотые копии Ивана Протасова», созданном на основе обнаруженного тайника старинных рукописей, начальник бюро локализации исчезающих координат «Блик» Олег Дмитриевич Вьегожев видел перед собой плотно перевязанные, пожелтевшие от времени и обветшавшие по краям, рукописные листы.

На экране монитора эта компактная, казалось, удивительно легкая кипа толщиной всего лишь в несколько сантиметров, плавала в виртуальном пространстве, как птица в небе. Но цену содержимого этой кипы пока никто не знал.

«Любопытно, обнаружится ли сейчас какая-либо связь убийства физика Чистяева с новыми данными о Протасове, с другими преступлениями, как это уже было, когда рукописями занимались в других отделах?» – спросил себя Вьегожев? Как ни странно, выяснилось, что до сих пор часть из этих документов, обнаруженных в межэтажном перекрытии старого особняка, еще никто не запросил и не изучал. Возможно, кто-то на всякий случай вновь поскреб в тайнике, обнаружил новое и добросовестно сдал в архив.

Или это пошутила компьютерная система?

«А может, – задался вопросом Вьегожев, – мои коллеги операторы Страдов, Крыншин, Куртяхин и другие, занимавшиеся с рукописями до меня, изъяли из них достаточно фактов, чтобы рукописи можно их отложить в сторону, как себя исчерпавшие?» На самом деле, руководитель ведомства «Три кашалота» генерал Георгий Иванович Бреев, благодаря отработке данных по рукописям, уже трижды отчитался о передаче в Гохран России определенного количества золота.

Как бы там ни было, а полученные новые материалы и поставленные в связи с этим новые задачи, потребовали от отдела «Блик» вернуться к теме о жизни и приключениях великого авантюриста петровских времен, Ивана Провича Протасова.

Убийство физика Чистяева, судя по косвенным данным, определенными корнями уходило в ту же далекую эпоху.

Правда, следственно-оперативной работой в «Кашалотах» занималась специальная служба полковника Халтурина «Сократ», и задачей начальника бюро Вьегожева являлось лишь выйти на какой-нибудь очередной драгоценный клад или золоторудную залежь.

Имя Ивана Протасова система оповещения об идентификации данных единокорневых явлений «Идея» выделила, как и прежде, в качестве объекта изучения первостепенной важности с большим процентом вероятности успеха поиска драгметаллов. «Что ж, генерал Бреев, как всегда, будет доволен! План «Трем кашалотам, считай, уже обеспечен» – сказал с усмешкой Вьегожев, чтобы себя подбодрить.

– Итак, начнем! – произнес он вслух и взял оригиналы.

Он взял рукописи, развязал тесемки, убедился, что листы не приклеены друг к другу, чтобы их не порвать, и приступил к ознакомлению с содержанием текста.

Вьегожев, разумеется, был готов к тому, что эти материалы являются неким летописным продолжением уже изученных к этому времени материалов о первом золотодобытчике России.

Но к его большому удивлению, рукопись начиналась с главы №1.

Какое-то время, занятый изучением рукописи, Вьегожев пребывал в состоянии легкой растерянности, даже прострации, поскольку ничего, указывающего на драгметаллы и сокровища, в новой кипе документов он не нашел. Наконец, он посчитал эту работу нудной и со спокойной совестью мог передать ее своему рядовому оператору.

Но что-то не позволило ему это сделать. Уже было известно, что со временем молодой купец Протасов, проявивший себя в первые месяцы жизни в Санкт-Петербурге весьма ловким человеком, проникшим в дворянское общество, откроет первые богатые залежи золота в России.

Интуиция Вьегожеву подсказывала, что для такого успеха гениальный разведчик недр должен быть незаурядной личностью. Вся его судьба должна быть неким таинственным алгоритмом, подготавливаемым высшими силами, чтобы он стал проводником их воли между ними и теми, кому и послужит все найденные им золотые богатства.

Увлеченный этой мыслью, но и слегка вспотевший от нее, Вьегожев, чтобы дать мыслям передышку, а затем с азартом наброситься на «десерт», отложил рукопись и выложил на экран монитора одну из очередных любимых «Исторических загадок».

На этот раз суть загадки была следующей: «Этот предмет появился на заре цивилизации, когда люди всерьез задумались о продлении своей жизни, но поначалу его не делали специально – просто отыскивали то, что было способно исполнить определенную функцию; применяли этот предмет по назначению и затем выбрасывали. Форма его была, как правило, круглой, хотя он иногда мог иметь и иной вид. Варианты его использования были самыми разными: домашнего, дорожного и даже общественного назначения!».

И последовал вопрос: «Что это: сито древних кельтов, монета, головной убор пехотинца государства Урарту, боевой щит или гнездо катапульты?» Возникли графические варианты. Пробуя искать ответ в числах, Вьегожев принялся за кропотливое изучение различных деталей.

Дойдя до боевого щита, он насчитал тридцать четыре риска, это ему также ни о чем не сказало. Тогда пришлось попросить помощи у компьютерной системы.

И то, что она выдала, показалось невообразимым: разгадка могла крыться в древнерусском «Чудо витке», а также в круглом графическом изображении прямоугольника чисел Фибоначчи, где сумма двух предыдущих чисел от единицы дает последующее число, а непрерывная линия, проведенная от первоначальной точки, представляет собой плавно заворачивающуюся спираль.

Число 34 было одним из бесконечного множества и восьмым по счету...

- Уф! – со смехом выдохнул Вьегожев. - След унюхан!

Не только бюро Вьегожева, но и целый ряд подразделений ведомства с утра был подключен к делу об убийстве физика Фаворита Нестеровича Чистяева.

Поскольку детали дела автоматически были заложены и в программу Вьегожева, его компьютерная система, сложив несколько им заданных тем, в том числе о числах Фибоначчи неожиданно выделила общее имя итальянского и русского ученых-физиков, сначала подчеркнув, а затем сложив отдельные буквы, так, что Вьегожев прочитал уже не Фибоначчи, а крупно выделенное: «ФАВОНЕЧИ».

Это слово каким-то невероятным образом сложилось из фамилии итальянца и одновременно из первых букв фамилии, имени и отчества убитого физика Фаворита Нестеровича Чистяева. «Действительно, при включенном воображении это слово выглядит почти что равнозначным фамилии» математика Фибоначчи... то есть, - прошу прощения, - Фибоначчи, - поправился оператор.

– Да-а, теперь понятно, что и компьютерная система тут невольно споткнулась! А, может, специально подала подсказку?! Довольно оригинально! – вскричал про себя Вьегожев. - Ты у меня большая умница, - обратился он к машине, - хотя тут возможен явный перебор! Такие «подсказки» могут и все запутать!»

Все же он еще раз, направив все внимание на экран монитора, попробовал поискать новых подсказок.

Он увидел возникшую на экране гравюру: группу воинов в кольчугах и шлемах у осадного дальнобойного орудия. В гигантской ложке метательной машины уже лежал камень, в нем было просверлено отверстие, в которое один из командиров одетый более изысканно, нежели солдаты, насыпал желтый песок из маленького позолоченного рога.

Но это не было порохом, потому что рядом стоял помощник и держал обеими руками предмет, похожий на щит, в центре которого была горка этого песка.

То, что служило «щитом», подносом или чашей, имело на своей поверхности рисунок в виде завитков, а между ними имелись изображения фигурок людей и явно сакральных знаков.

Несомненно, все это действие у орудия было связано с какой-то магией. Не случайно, помимо нескольких солдат, присутствовал на гравюре и оракул, который читал заклинания из небольшой, но очень толстой книги.

«Если в отверстие камня сыплют золотой песок, и если магия связана с числами Фибоначчи, - невольно подумал Вьегожев, - то каждая песчинка этого золота внутри глыбы за время, в течение которого эта глыба проделает свой путь, успеет умножиться почти в геометрической прогрессии.

А если это специальный порох, несущий в себе потенциал умножения своей разрушительной мощи, то, пущенный на крепостную стену этот снаряд произведет взрыв невероятной силы: ну, если один рожок пороха, пока он летит считанные секунды, превратится, скажем, в целую бочку!..

Погоди! А, может, способом метания каменных глыб делают глыбы золота?

Не исключено, если представить, что для этого камню необходимо пройти через некую астральную зону?..

- Да, не исключено! - повторил вслух и с энтузиазмом Вьегожев, потирая руки, - помня, что и убийство ученого физика Чистяева было связано с метанием каких-то «бочонков» через стену старой химической фабрики!

«И обнаружение этой взаимосвязи мне могло бы помочь в решении одновременно двух задач, - сказал он про себя, - главной - добыть золото ради выполнения плана нашими «Тремя кашалотами» и - второстепенной... Стоп! Физик занимается химией!.. Химики – физикой! - Не долго раздумывая, Вьегожев добавил: - И второй главной задачи, в помощь Халтурина, а именно - разоблачению преступников в помощь следственно-оперативной службе «Сократ»...

II

ЧТО ВЕРШИЛОСЬ В «ГОРОДЕ ЧЕКИСТОВ» ТАЙНА РАСТУЩИХ ИДолов И ГОЛУБОЙ РЕКИ

(Рассказ)

На экране возник зеленый огонек, раздался приятный, щадящий нервы звуковой сигнал, напоминающий мелодию неизвестной песни из сна, и Вьегожев услышал достаточно твердый, как побудка армейского горна, женский голос секретаря генерала Бреева Венеры Огуречной:

- Юрий Дмитриевич, через шесть минут вам необходимо быть в кабинете Георгия Ивановича!

- Хорошо, уже иду!..

В кабинете генерала были глава отдела «Сократ» полковник Халтурин, его заместитель майор Сбарский и еще двое из операторских служб: начальник специального отдела неопознанных тел аномальных зон «Спонтан» Мария Васильевна Верзевилова и начальник бюро опера-

тивного розыска дублирующих артефактов «Борозда» Кузьма Сергевич Михайлович. Указав Вьегожеву жестом встать рядом с ними, Бреев сказал:

- Послушайте их, Вьегожев, и затем скажете: возьмется ваш отдел за решение задачи, которую вам предлагает отдел «Спонтан», или он передаст ее другим.

- Я вас понял! – ответил Вьегожев генералу. - И я весь внимание! – добавил он коллегам, демонстративно засунув папку с бумагами под мышку. Кто бы ни заходил в кабинет генерала, приносил с собой такую же папку; в нее, когда не содержалось готового отчета для доклада, прихватывалось все, что угодно, лишь бы была видна способность сотрудника «кашалотов» подойти к предлагаемой проблеме с любой, даже самой неожиданной стороны.

Генерал любил, когда сотрудники конструировали различные решения на ходу. Созданную сообща модель можно было тщательно рассмотреть со всех сторон.

Поскольку отдел Вьегожева, так или иначе, уже был подключен к работе по делу убийства ученого Фаворита Чистяева, и ему, как и всем, были даны вводные для поиска зацепок по делу; каждое подразделение являлось, исходя из специфики работы, неповторимой лакмусовой бумажкой.

Выяснялось, в какой мере брало на себя участие в общем деле бюро локализации исчезающих координат «Блик».

Бреев кивнул Верзевилловой. Она оказалась между Вьегожевым и Михайловичем, двумя рослыми мужчинами, и на мгновение затерялась среди них.

Казалось, в пространстве, созданном вокруг одним жестом генерала, утонули не только ее фигура, как у балерины - стройная, худощавая и с носками ног чуть врозь, но и ее доклад. Поэтому, хотя она знала себе цену, а высокие нотки ее голоса позволяли выделить свой доклад из любой реальности, пытающейся этому помешать, все же она попросила генерала:

- Разрешите отчитаться с помощью демонстрации видео фильма? Мы уже поработали со «Скифом»!

Система видео-конструирования исторических событий «Скиф», прежде именовавшаяся системой копирования исторических фактов, после усовершенствования оставила свое старое звучное название.

Она была настоящим чудом. При внесении в компьютерную систему всех имеющихся данных по определенной проблеме, включая современную оперативную видео съемку, она позволяла окунуться в доклад не только с помощью слуха, но также зрения и тех чувств, которые испытывают любители кино.

В кабинете Бреева стояли его стол с вращающимся стулом на колесиках, рядом в особой зоне - большой кожаный черный диван с тумбой, на которой лежал пульт, и перед диваном занимал огромное пространство монитор. Верзевилова, подойдя к тумбе, взяла пульт, направила его на монитор, нажала на кнопку и начала доклад.

- Ученый Чистяев несколько лет поработал в Екатеринбурге: над восстановлением ряда лабораторий в подземном «Городе чекистов». Вот, на экране - вид сверху всего этого огромного участка, где на самом деле мог бы разместиться настоящий город. Его еще в начале тридцатых годов обозревал, облетев на самолете, Иосиф Сталин. Реконструкция позволяет нам посмотреть на этот участок его глазами, участок почти в том же виде, каким был и в том времени.

Верзевилова взяла лазерную указку.

- Вот, - повела она лучом по экрану, - здесь всем ландшафтом явно обозначен, как мне кажется, очень странный архитектурный символ древних народов. Это, в основном, - большие насыпи курганов, примыкающие друг к другу и образующие стены и крупные рельефы на местности. Вот здесь, - указала далее она, - контур их очень напоминает сакральный знак серпа и молота! Это символ вечного движения, связанный с солнцем, в большей степени и с луной.

Как видим, и в минувших, далеких эпохах в различных районах планеты правители сооружали крупные объекты в виде гигантских символик - звезд, полумесяцев, свастика и тому подобных. Были и привычные нам серп с молотом.

Верзевилова посмотрела на Бреева, который, в раздумье повернувшись спиной, двинулся по длинной дорожке к окну кабинета, чем-то напомним командира космического корабля, направившего корабль к неведомым звездам, и которого, как магнитом, непрестанно тянуло к огромному, от пола и до потолка, иллюминатору.

Там он остановился, несколько секунд наблюдая за голубыми небесами над причудливыми контурами зданий центра Москвы, затем развернулся и направился обратно.

Докладчик продолжала, водя лазерным лучом по экрану монитора, почти столь же огромному, как и окно-иллюминатор начальника космической экспедиции Бреева, и также хорошо видимому из любой зоны кабинета.

- Вот тут, под этими курганами, на месте древних лабиринтов, а также подземных ходов и помещений, построенных еще Петром I, не чуждым оккультизму, и даже рьяному приверженцу его, Сталин и приказал отстроить «Город чекистов». Как мы знаем, он ни в чем не уступил Петру.

Чекистам, как и всей стране, этот подземный город служил в течение полувека. Горбачевская политика привела почти к полному его уничтожению, хотя здесь до девяностых эффективно функционировало множество важнейших лабораторий-цехов. В некоторых работали сотни человек. Вот они... Кадры из самых засекреченных архивов.

Верзевилова выделила указкой ряд из них, насыщенных техникой и со специалистами в белых и синих халатах.

- В тридцатые годы, особенно в период репрессий, помимо лабораторий, там существовали специальные боксы и камеры для содержания заключенных и проведения медицинских и психологических опытов над людьми.

- Это пыточные камеры? - спросил Сбарский.

- Нет, здесь было иное... Хотя, с моральной точки зрения, даже если кто-то участвовал в эксперименте и добровольно, под подписку о неразглашении, то ведь мог согласиться на это лишь потому, что не имел другого выхода для выживания или решения каких-то личных проблем.

- Это другой вопрос, и мы могли бы его пока оставить в стороне, - сказал начальник бюро «Борозда» Михайлевич и вопросительно посмотрел на Бреева, вернувшегося от окна и остановившегося напротив всей тройки.

Лицо – на вид - тридцатипятилетнего генерала, образца физической подготовки и умения всегда элегантно и безупречно выглядеть в гражданском костюме, вблизи показалось лицом самого холеного в мире мужского манекена. Однако оно было обращено в сторону Верзевиловой, и та, внутренне содрогаясь от его близости, продолжала, медленно разворачиваясь к экрану:

- Вот, посмотрите... Как можно судить по данной камере, изрисованной символами разных религий, - а она еще недавно являлась действующим музеем частного предпринимателя, бывшего офицера, афганца, Козьмы Комуфлядина, - в ней содержали верующих.

- Выделяйте по возможности, главное, Верзевилова, - сказал Бреев, встав в сторонке и глядя на нее, словно рассматривая ее профиль с близкого расстояния.

- Слушаюсь, товарищ генерал. (Щеки девушки стали ярко розовыми). На них, этих верующих, также проводили опыты, в частности, по искусственному искривлению и моделированию пространства, или - точнее - ауры человека, в момент, когда те читали те и ли иные молитвы или заклинания. Одновременно выявлялось, чья вера оказывает большее воздействие на те или иные явления и события... Была попытка создать некий алгоритм, влияющий на современную обстановку, на расклад экономических и политических сил в мире...

- Почему выбрано было именно это место?

- Причин несколько. Думаю так... Первая - периферия, близость к местам сосредоточения огромной массы ГУЛАГа – лагерей заключенных на Урале и в Сибири... Ну и, конечно, - наличие подземных коммуникаций, сокращающих потребность строительства с нуля.

- Остановлюсь еще на одной и, может быть, основной, - сказала Верзевилова и указала на возникшую на экране новую значительную гряду курганов. Подножия некоторых были усыпаны следами более поздних погостов и кладбищ. – Это картинка с фотографии начала XX века... А вот теперь вы видите то, что обнаружено под ними!

На экране возникла, как из темноты и словно извлеченная из-под земли фигура деревянного идола, высокого, с длинными руками и ногами, прижатыми к телу, и с головой, на которой застыла маска выражения ужаса.

- Этого идола, как мы можем догадаться по кадрам старой архивной ленты второй половины тридцатых годов, - продолжала докладчица, - только что раскопали... Вот здесь, обратите внимание, рядом с рабочими, расчищающими старые тоннели и штреки шахт, мы видим старейшего известного ученого, историка Воропая Михайловича Задвижкина. Он и здесь уже в возрасте, но, как видно, поспешил на место находки, поскольку являлся специалистом по древним идолам, много лет проведя на Урале, Алтае и в Сибири. И он был прекрасно знаком с верованиями, обычаями и философией местных народностей и их шаманов.

На экране Задвижкин стоял напротив идола также застывшим, хотя и всплеснувшим от изумления руками с длинными узкими кистями рук, и голова его была запрокинута. Идол был внушительным по размерам: высотой он чуть не вдвое превосходил рост ученого.

- Теперь добавлю я! Разрешите? – сказал Михайлевич. Получив согласие генерала, он принял пульт из рук сотрудницы. Лицо ее уже было покрыто мелкими капельками пота, и он вовремя пришел к ней на помощь. Казалось, она еле нашла сил, чтобы выдержать возле себя близкое присутствие генерала. Все видели, что он - не женатый - на молодых незамужних сотрудниц часто действовал, как одурманивающее лекарство. И кое-кого излечивал.

- Неподалеку отсюда, в 1890 году, на четвертом Куринском прииске, - а первый разрабатывался при Петре I под началом основателя прииска графа Томова, - на глубине четырех метров была найдена подобная фигура идола. Как указано, такие же были найдены здесь и прежде, и в той же петровской эпохе.

Сохранилось письмо предков уральских и алтайских племен к преемнице Екатерины I племяннице Петра Анне Иоанновне, и по содержанию письма мы знаем, что старейшины племен просили ее не трогать их землю – как раз там, где граф Томов развернул прииск серебряных руд.

Взамен они предложили императрице компенсацию: некую древнюю чашу «Духа завитков мироздания», способную многократно увеличивать объем добываемого металла при определенных условиях.

Вьегожев даже вздрогнул. Его фантазия о том, что объем золота можно увеличивать, пропуская его через определенную среду, как объем грибницы, пропущенной сквозь питательный комок мха, не так уж далека от возможного.

- С этого места подробнее, пожалуйста, - тут же попросил Бреев, также почуявший добычу; и, обойдя свой массивный стол, он сел во вращающееся кресло.

- Аборигенам, то есть всем этим местным жителям, их земля на том участке была важна - как мост к их предкам! В этом вся причина их настойчивости отстаивать ее для себя. Интересно, что и ранее письма к императрице они уже сделали загадочное заманчивое предложения графу Томову. Они обещали показать ему, - судя по записям компаньона Томова Ивана Протасова, - некую священную реку, являющуюся мостком между прошлым и будущим.

Михайлевич взял другой листок.

- Когда заинтересованные люди графа Томова (а в свидетелях, кстати, фигурирует также фамилия другого верного сподвижника Петра I - графа Осетрова) пошли поглядеть на эту чудесную реку, то в глубоких лабиринтах перед ними предстало удивительное явление: река издавала голубое свечение, как от избытка фосфора.

Но они не смогли пройти вдоль нее к сакральному месту – своеобразному порталу - и пятидесяти шагов, как наткнулись на завал из огромных каменных глыб. И что удивило следопытов, каждый камень словно уже побывал в руках человека, поскольку имел круглое глубокое отверстие. И каждый напоминал формой простейший кристалл...

Вьегожев почувствовал, как его пробирает дрожь, будто от холода этого далекого таинственного подземелья, где обрушились своды.

Глыбы камней в форме размытых от времени шестигранников, восьмигранников, со сколотыми и сточенными в результате многовекового перемещения под землей краями...

Примерно такие он видел в деревянной «длани» метательной машины, когда взялся за разгадку элементарной игры, одной из многих в папке «Пошевели мозгами в перекур!» Но пока, кроме догадок и рождающихся в мозгу слабых версий ему нечего было добавить, он молчал и думал.

В частности, он вспомнил, что это метательное орудие было исписано какими-то иероглифами; и похожие иероглифы он только заметил на экране, показавшем древнего подземного идола, испещренного знаками; возможно, это был страж, стоящий на границе одного и другого измерений, о чем сейчас и говорила Верзевилова.

- Любопытно, - говорила она, - что при обследовании в тридцатые годы одного небольшого прямоугольного помещения в этом «Городе чекистов», первоначальная высота четырех найденных идолов, стоящих по углам помещения, равнялась всего метру. Но когда после войны воссоздали музей, оказалось, что идолы поменяли свои размеры: второй стал двухметровым, третий трехметровым, а четвертый пятиметровым, и он пробил головой потолок и выплянул на второй этаж. При этом они пробили и межэтажное скрытое перекрытие где в тайнике хранились изделия из нефрита. Как вы понимаете, это стало сенсацией. Клад!

- Понимаю, понимаю, - ответил Бреев, встретив на себе пристальный взор докладчицы, осмелившейся, наконец, сделать ему вызов. – Продолжайте же, Верзевилова!

- Слушаюсь. Многие годы сотрудники хранилищ древних ценностей полагали, что три метровых идола попросту пропали, а вместо них привезли новых, на которые не сохранилось документов, да и придумали для отвода глаз «чертовщину» - мотивируя увеличение размеров идолов их якобы естественным сакральным ростом. И что, пробив головами потолок, они нарочно указали на нефритовый клад.

- Разрешите? – попросил слово Сбарский. После кивка Бреева, что не сразу отвел взор от докладчицы, он сказал:

- В деле об убитом физике Фаворите Чистяеве отмечено, что он первым из ученых поверил в «екатеринбургское чудо», в то, что идолы - выросли. И что они - не подделка. Прийти к такому выводу ему помогло то, что ранее о чем-то подобном - что идолы растут сами по себе - он ранее уже слышал от шаманов или прознал о том из древних алтайских текстов. При этом, тогда он выдвинул сенсационную гипотезу: что и люди тоже способны поменять свои габариты, увеличить размеры членов, свойства характера и даже поменять свою кровь. И, видимо, речь тут идет не только о группах крови и резус-факторе. А о пусковом механизме...

- Да, вероятно, - отозвался генерал. – Мы это учтем...

- Любопытно, что после этого, посетив одного из идолов, Чистяев решил провести эксперимент, после чего в своей крови на самом деле обнаружил изменение химического состава и физических свойств. После этого он записал рассказы некоторых сотрудников музея и археологов, которые указывали на проявление у них различных симптомов болезней, а также и на случаи внезапного выздоровления.

Но что всех объединило, это то, все они в определенный момент испытывали головную боль и колики в сердце.

Те, кто был сердечником, - вылечивались, диабетикам сахар заменило растворенное золото, хотя часть тех и других до конца не избавилась от приступов головной боли...

Докладчик взял из папки другой листок.

- И вот еще что... Из светящейся голубой реки в «Городе чекистов» копатели извлекли несколько монет, в том числе петровский золотой рубль и золотую медаль с надписью: «Императору Петру I. Фон Пайкуль, 1722 год». А теперь выяснилось, что такие же монеты, кроме пайкулевской, лежали и в одной из нефритовых кубышек... Это пока все.

Бреев опять кивнул и обратился через стол:

- Вьегожев, какой вы дадите нам ответ? Возьметесь за разгадку этих таинств?

В голосе Бреева скользнуло звучание легкой усмешки.

Ему всегда было несколько неловко употреблять такие слова, как «разгадка», «тайна», хотя они всегда были рядом.

И сейчас они показались ему более уместными чем просто слова «расследование», «анализ», «дело», «задание».

- Это довольно близко к тому, что я изучаю в данный момент, товарищ генерал, и наш отдел, несомненно, поможет решить эту головоломку.

Бреев одарил всех промелькнувшей редкой улыбкой.

- Тогда за работу, - сказал он. И добавил: - Я надеюсь, что хотя бы несколько центнеров золота из этой истории мы до конца дня извлечем? Не так ли? – обратился он ко всем.

- Так точно, - отчеканил майор Сбарский, хотя к выполнению плана по драгметаллу имел лишь косвенное отношение. Его ожидал полковник Халтурин, чтобы потребовать до конца дня отчета о полном расследовании убийства физика Чистяева.

- Мы, товарищ генерал, также, безусловно, постараемся, - сказал начальник бюро «Борозда» Михайлевич.

- Слушаюсь, - пролепетала начальник отдела «Спонтан» Верзевилова. Найти золото ей теперь хотелось больше всех.

Вьегожеву и Михайлевичу понадобилось небольшое усилие, чтобы повернуть к выходу тело Верзевиловой, и она, как машинка на каблуках, подгоняемая легкими толчками в спину, достигла двери, которую перед ней распахнул Сбарский, и вышла на волю. Там она вновь встала, как вкопанная.

- Что с тобой, душенька? – сказала, не вставая с места, секретарь Венера Огуречная, мимоходом беря со стола маленькое зеркальце, бегло глянув в него; и она поспешила прикрыть за посетителями дверь в генеральский кабинет.

- Вы о чем? – машинально пролепетала Верзевилова.

- Ах, все ясно! Идите! Идите же! – громким шепотом произнесла Огуречная. – То же мне, докладчики!.. Хорошо еще никто не упал в обморок, вот было бы беспокойство Георгию Ивановичу!

- А что, такие случаи бывали? – спросил Михайлевич.

- Нет, не помню... А что? – спросила Огуречная, заслоня генеральскую дверь спиной и тазом.

- Да так, ничего, закусывать надо.

- Нахал, Навуходоносор, иностранный агент!..

- Скорее уносим ноги! - сказал Михайлевич. - Как бы еще не признали в нас каких-нибудь бесов, тогда соберут суд инквизиции и придется обвинителям и обвиненным копошиться в клубке некоей фрактальной сущности, из которой мы состоим, пока какой-нибудь умник-адвокат не докажет, что это сплошная гармония.

Верзевилова, наконец, засмеялась.

- Нет уж, избавь меня от этого суда, и тогда на все остальное я согласна!
Веселый ее смех показался неуместным.

- Ну, отошла, наконец?..

- Пошли, действительно, поскорее отсюда, пока генерал не велел Огуречной вернуть тебя назад!

«Я бы не отказалась стать частью любого фрактала, - произнесла вдруг девушка, - если бы можно было незаметно миновать секретарскую!» - подумала Верзевилова.

«Эх, и ты туда же!.. – подумал, почти прочтя ее мысли, Михайлевич. - Только учти, сближение с Бреевым не доводит до добра: чем ближе к нему, тем больше золота он от тебя требует!»

- Это тебе обойдется в тонну драгметалла, как минимум, - сказал он вслух.

- Я знаю... То есть как? В целую тонну?! И почему это мне одной? Всем нам! - на всякий случай запротестовала она.

- Раскатала губы! Всего задействовано восемь отделов и бюро, считая и твой. Значит, уже, всего, восемь тонн!

- Ничего, и тонной обойдется! – уже смирилась она.

- Ну, да, если остальное - натурой!..

Балагурия, они дошли до конца длинного коридора и там разошлись по своим отделам.

III

ФРАКТАЛЬНЫЙ ТРОЛЛЬ

(Рассказ)

1

«Золото, золото, золото... Что для генерала Бреева центнер? И даже «несколько»? И что значит – это «как минимум» центнер, тонна? Сначала ему добудь одну, затем две, три, пять тонн, а теперь уже и восемь! Не многовато ли?

Сколько же этих тонн нужно стране!..

А вдруг потребуется этих тонн целая «чертова дюжина», - бормотал про себя в задумчивости Вьегожев и машинально набирал эти цифры на клавиатуре компьютера – 1, 2, 3, 5, 8, 13.. Когда вдруг перед ним выросло набранное им после числа «13» новое число «21», создавшееся из 8 + 13, система написала: «Поздравляем, Вьегожев, очко!» Раздался искусственный смех, и на экране возникло изображение какой-то, показавшейся довольно гнусной, сущности: сгусток каких-то форм на дне морском – щупалец, водорослей, частей раковин, что вместе явило какое-то живое чудовище с жуткими членами и, кажется, разными органами чувств.

Ибо смеялось и поздравляло именно оно - это нечто странное, смешанное, запутанное и, вместе с тем, - будто бы завершенное на остоле своей будто застывшей невидимой спирали, прекратившей наращивать витки. Под ним была надпись: «Худ. Йох. Андерс. «Фрактальный тролль».

- Боже! - тихо воскликнул Вьегожев, - да я же, выходит, - машинально назвал числа Фибоначчи!

Вовлекаясь в почти спонтанно возникшую игру, он быстро набрал эти два слова - «Фрактальный тролль», и перед ним возник прямоугольник, заключивший в себя восемь квадратов, начиная от самого маленьких – в перечислении от нуля и единицы до тридцати четырех.

Проведенная линия от нуля через углы квадратов дало равномерно закручивающуюся спираль. И под этим изображением возникло жирно подчеркнутое: «Числа Фибоначчи». Это

был итальянский математик XIII века, который открыл интересный числовой ряд. «В этом ряду каждое последовательное число является суммой двух предыдущих. Если построить график данных чисел - получится раскручивающаяся бесконечная спираль. И что любопытно, именно этот числовой порядок использует природа в своих творениях: семена подсолнуха и сосновые шишки, лепестки цветов, раковины некоторых моллюсков, глаза стрекозы, рукава спиральных галактик, электронная решетка отдельных лигатур золота – все это точно соответствует этим числам и бесконечности фрактальных форм».

Вьегожев запросил расшифровку фрактала. «Структура фракталов, - прочитал он, - это основа построения нашего удивительного, загадочного, столь многообразного мира.

Фракталы повсюду. Нет в природе формы, будь то живая или неживая материя, которая бы не имела к ним отношения. Горы, реки, облака, наконец, - живые существа созданы Творцом по одному принципу, который так долго искала и не могла найти наука.

Никто из великих прошлого не мог научным языком описать хаотичность и предсказуемость природы.

Это считалось попросту невозможным...

Однако во второй половине XX века один французско-американский математик (Мандельброт), используя в полной мере свое исключительное воображение, пришел к гениальному открытию... предложил новый подход к геометрии, где первичны не сложнейшие формулы, под которые как бы подгоняется наше бытие (а оно, надо сказать, никак не желает в них вписываться), а поиск формул и зависимостей величин, исходя из этой самой непредсказуемой и капризной реальности...»

- Вот ведь накрутил! – восхищенно воскликнул Вьегожев и тут же вспомнил, как несколько минут назад Михайлович словно прорицатель предрек, что непредсказуемая и капризная реальность могут соединить любые судьбы в единый клубок, образующий отдельную своеобразную сущность, в виде того же фрактала. – Умник! – произнес он недовольно и с ревностью, - только отвлекаешь от работы!..

2

И вдруг у самого его уха раздался голос:

- Во фракталы, как ты сам можешь убедиться, несложно преобразовать любую фигуру, и не только на плоскости. Если у тебя достанет хорошего пространственного воображения, то ты сможешь увидеть разгадку всего, что есть в твоей собственной работе!

Услышанное, как ни казалось многообещающим, показалось похожим на странный смех, который Вьегожев только что слышал из динамиков, встроенных в его монитор.

- Ты кто, и зачем ты мне это говоришь? – спросил он, оглядываясь: не вступил ли с ним в игру кто-либо из его операторов? Но все были заняты своими делами, хотя теперь и стали казаться мимами, чревоушниками, умеющими произносить слова, не размыкая рта.

- Да, вы, люди, кое-что знаете, - сказала возле уха это нечто, («Троль?!») не отвечая на первый вопрос. – Но не только деревья, строение человека, начиная от их стволовой тверди, являются, по сути, фракталами, но и отношения людей в этом замкнутом пространстве помещения бюро, вся реальность физического и виртуального мира вокруг!

- Впрочем, и виртуальное – то же материальное! – добавило нечто после небольшой паузы, полным молчанием, пока Вьегожев приходил в себя от изумления. - Ведь не скажете же вы, что способны мыслить иначе, чем это задумано Господом? И я пришел к тебе, - обращалось это нечто уже возле самого уха, будто нашептывая, - я пришел, чтобы помочь тебе, коли уж в твоём мозгу произвольно возникли числа Фибоначчи. Хотя в моём мозгу, - поправило оно, - это называется иначе. Ибо я и есть бесконечная Спираль фрактала! Люди прежних эпох называли меня Виток завета.

- А-а!

- Да, я почти такая же, как и рисунок завитка на огромном цветке подсолнуха, полного созревающих зерен: спираль, закручивающаяся в одну сторону до тех пор, пока рисунок обратной спирали гармонично не впишется в первый, указывая внимательному взору и некую, еле уловимую между ними, границу.

И в мироздание это продолжается столь же долго, сколь долги плоскость или объем бесконечности.

- Таким образом, ты одинаково движешься в одну и в другую стороны? – спросил, осмелев Вьегожев, понимая, что он разговаривает сам с собой, но получает ответы не от себя. – Если это не так, то вряд ли ты мне сможешь помочь.

- Поглядим!

- Я ищу золото в прошлом. Генерал Бреев требует плана, и, как я арифметически подсчитал, завтра его может потребоваться, ни много ни мало, тринадцать тонн. Возможно, это лишь мое воображение, но все же.

- Воображение не существует без не воображения!..

- погоди! Ты можешь устроить синтез фрактала, чтобы слились я, мое мышление, судьба Ивана Протасова с его пока еще не раскрытыми золотыми копиями, и сами копии, чтобы мы пришли к общему знаменателю – к выполнению плана по золоту сегодня весом в восемь тонн, а завтра в целых тринадцать?!

Вновь послышался смех.

- Я помогу тебе только сегодня, а завтра есть то, что лишь требует потребление опыта.

- Но с чего мне начать?

- Для начала подумай! – услышал он в ответ.

- Начать с того, что – разобраться: что ты за штучка? Может, ты искушаешь, как дьявол, чтобы заманить в ловушку? А генерал Бреев отнюдь не расцелует меня, если я не дам ему плана по золоту!

- Не тебе нужны его поцелуи, а просчитай хорошенько - кому!

- Чего мне просчитывать? – быстро уходил от щекотливой темы Вьегожев, невольно представив румяные щеки Верзевилловой и тянущиеся к ним твердые губы мужественного генерала. - Для этого у меня есть компьютер, - проворчал он и упрямо сделал запрос, стуча по клавиатуре: «Что это за феномен такой – фрактал, и с чем его едят?»

Через несколько секунд он прочитал, что это понятие означает «сломанный», «разбитый», а отсюда и слово «фракция» – отдельная часть чего-то общего, корень которого присвоен «фракталом».

Под фракталами понимают некие ветвящиеся в бесконечность объекты, которые имеют структуры самоподобия, то есть повторения своих элементов при любом масштабе... Фракталы «едят» с приправами и без».

- погоди, - спросил Вьегожев настойчиво, - так ты – часть, или ты – все? И последняя строка информации – это шутка?

- Хороший вопрос.

- Ты объяснись!

- Вопрос в самую точку! - И невидимый дух сжалился:

- Ну, так слушай: я – все, я вся спираль чего бы то ни было, к чему ты ни прикоснешься рукой, взором, воспоминанием или новой мыслью. И съесть себя могу только я сама (если я Спираль) или я сам (если я Виток), причем, лишь сделав очередной виток на спирали. И это не шутка.

- Понятно.

Значит, ты можешь разделить на фракции и синтезировать мою работу в некий фрактал с помощью этого компьютера, - указал Вьегожев на монитор, - и даже итог этой работы, выраженный в выполнении плана на сто процентов?

- Легко, и даже могу вас разложить на составляющие спиралей. Включая и твою физическую сущность, и материальную сущность компьютера. Ведь в тебе почти сто тысяч километров кровеносных сосудов, а длина спиралей всех твоих ДНК в двести шестьдесят раз больше дистанции до луны и от обратно.

Экран монитора мигнул; видно, система обижалась, что кто-то подает столь важную информацию ее оператору.

- А компьютер твой, - злорадно отреагировал чудесный виток, - состоит из антенн и микросхем, сконструированных по ветвящемуся фрактальному принципу. Этот принцип позволяет ему многократно увеличить скорость передачи данных...

Экран монитора униженно отступил: казалось, он опустил взор.

- А вся моя работа?

- Это - усилия твоих органов, и это твое время. Биение твоего сердца и движение твоего глаза также соответствует неким фрактальным ритмам, и если я раскручу эту спираль до конца, увижу, например, твой конец.

- Надо только убрать из слова фрактал две буквы, и получится слово «фатал», добавил дух.

- Это понятие есть в моем мозгу, - продолжал он, - в независимости от того, если оно в твоём лексиконе.

- Ты хочешь узнать, когда он наступит, твой фатальный исход? – спросил о жутком Виток.

- Мне стоит только посчитать, кое что вычесть... Я сейчас, быстренько!..

- Нет, нет, нет! – закричал Вьегожев. Только не это!

Он опять услышал смех, похожий на смех большого клубка змей, рыб, кораллов и гусей, повернул голову и увидел посмеивающихся над ним коллег.

- Пошел на контакт? – спросил один из них, оператор Сергей Бессонцев.

- Вроде того.

IV

В ЗИМНЕМ САДУ С КАПУСТОЙ РОМАНЕСКО

(Рассказ)

Изучив еще несколько материалов, Вьегожев обратил внимание на один факт: что еще задолго до изобретения компьютера японский художник благодаря чуткой художественной интуиции смог раскрыть тайну форм природы и филигранно передать ее фрактальную сущность на своих полотнах... «Погоди! – сказал себе Вьегожев. Где-то я уже слышал об этом!.. Ну, да: в докладе о спиралевидном ландшафте вблизи екатеринбургского «Города чекистов»...

Он вспомнил идолов со спиралевидными знаками, отчего-то подумал о мифическом Фениксе, возрождающемся из пламени, и что оно – та же физическая величина, что и другие стихии; и он перечислил их: земля, воздух, вода. И что пламя даже больше, чем то, что греет, нагревает, сжигает и освещает, но что оно есть часть потустороннего, параллельного мира, живущего в вихрях чисел Фибоначчи...

Это было одним из тех микро-открытий, что заставляет каждого мыслящего человека глубоко задуматься о связях и неразрывности неких, бесконечно непохожих величин. И это самого Вьегожева сейчас заставило додуматься до парадоксального: до величин, схожих в любой бесконечности.

И тогда он начертил на мониторе мистические и - одновременно - самые ощутимые в любом из фрактальных существей мироздания числа Фибоначчи. Ведь это они указывают на развитие жизни в ее бесконечной спирали...

Ну, да, он видел монету Петра I из «Города чекистов», ее оборотную сторону - «орел», изображение двуглавого орла; в его лапах - скипетр, а навершие скипетра, в свою очередь, также венчал такой же орел, с тем же скипетром...

Картинка эта, если бы монета была сакральной, или изготовленной с использованием нанотехнологий, должна была содержать в себе повторение этих одинаковых изображений до размеров самой малой величины, какую только был способен охватить глаз лучшего в мире микроскопа.

Теперь вспомнив об этом, и решив исследовать монету тщательней, Вьегожев выложил ее максимально укрупненное изображение на экране, и, настроив электронный микроскоп компьютера, направил на это навершие скипетра.

Он смог разглядеть семь повторений; и система выдала их масштаб. Это были цифры от 34 до единицы... То есть, это были числа Фибоначчи, только ведущие к нулю...

- Ну, что, убедился в моих способностях? - услышал тот час Вьегожев. - Все, чего бы ты отныне не предпринял, сведется к твоей работе, твоей цели и моей помощи достичь ее! Кажется, я тебе это пообещал?..

- Все же, ты должен ответить: что ты потребуешь от меня взамен? Ведь ты, как дьявол, может, искушаешь меня?

Но в ответ он вновь услышал смех и с досады попросту отключился от системы.

- Все, перекур, - сказал он себе.

- Давно бы пора, - обратился к нему Бессонцев. - Пойдем-ка, подышим в нашем зимнем саду...

Приняв предложение, Вьегожев вошел в красивый, светлый, теплый зимний сад с кадушками деревьев и цветов, невольно поискал во всем фрактального сходства. Тут же он нашел яркое проявление этой спиралевидной формы в декоративной капусте, очень напоминавшей морскую раковину обыкновенного черноморского «Рапана», с ее пупырчатыми треугольными выпуклостями, - наростами на теле, раскручивающимися от вершины до отверстия, входа и выхода моллюска. Эти раковины он лично собирал много раз на стенах подводных скал в Сочи.

Капуста была зеленой. И он невольно прочитал: «Сорт Романеско...» Он внимательно посмотрел в лицо Бессонцева, который достал сигарету и с наслаждением сделал несколько первых затяжек...

Лицо выражало довольство жизнью, и одной из причин этого была его прочная связь с никотином, с тем, что никотин делал с мозгом Бессонцева. Над ним вились спиральки синего дыма.

И теперь Вьегожев подумал, что заранее знал, какие формы примут эти спирали: они образовывались в решетке кристалла - в данном случае сингонии воздуха, и в нем попросту подчинялись его фрактальным законам.

Теперь, вдруг, Вьегожеву показалось, что ему было бы под силу вообразить - будто в реальности - весь жизненный путь своего изучаемого исторического героя, Ивана Протасова. Примерно так художники по спецэффектам могут создать «в реальности» любой пейзаж: от величественной горной гряды до затерянной в космосе чужой планеты...

- Что ты говоришь, не расслышал? - спросил Бессонцев.

- Да, так, попалась любопытная информация, пытаюсь обмозговать.

- Ну, ну, - если хочешь, оставайся, а я пошел. - Он бросил окурок, и тот точно угодил в ведро с водой. По воде разбежались концентрические круги, волны многократно наложившись друг на друга смешанными завитками и утихли.

И весь рисунок этого таинства природы Вьегожев сейчас также, как бы, безошибочно предугадал.

И весь накопленный в жизни опыт, и переживание нового его повторения и осмысления – все это тоже, казалось ему, было частью чего-то общего и гармоничного. В витках.

- Иди, а я еще посижу.

Он осторожно коснулся рукой чудесного вилочка декоративной капусты, - а капуста здесь была представлена десятком видов, - погладил головки каких-то цветов, и почувствовал, как от пальцев по руке к плечу и до груди пробежало, словно живое, тепло. Это не было приятным ощущением. Показалось: ему ввели инъекцию, и лекарство течет по жилам; главное, как среагирует сердце, не помутится ли в голове?..

Он будто очнулся в незнакомом саду. Его окружали сотни, возможно, тысячи различных растений, точно специально представленных здесь для изучения, как в питомниках или в лабораториях. Он тут же узнал некоторые из них, например, самшит, который видел в сочинском дендрарии. Это дерево имело структуру, похожую на структуру слоновой кости, росло очень медленно, все время твердея.

Вьегожев вспомнил, что еще тогда, в Сочи, когда со своей девушкой Люсьеной они беззаботно гуляли под солнцем, впитывая бесконечный аромат близкого моря, он был занят думой о работе и, в частности, - о свойствах золота.

Ему тогда пришел в голову странный вопрос: попробовали ли алхимики создать искусственное золото, выращивая его не как кристалл из неорганического вещества, а, как живое дерево, ведь все на земле создано из одних атомов, похожих молекул... Научиться бы только их создавать!..

Теперь, глядя на растения, погладив самшит, Вьегожев вдруг увидел дерево, разрезанное вдоль, и в его стволе поднимались от корней тончайшие золотые струйки. Приглядевшись, он увидел, что это золотые прожилки...

Он и прежде слышал о случаях, когда в стволах деревьев, произрастающих на золотых месторождениях, присутствует золото, распространяющееся вверх, от корней, по стволу, до сучьев и более мелких ветвей, до кончиков листьев. Но это золото можно было рассмотреть только в микроскоп или выявить химическим анализом.

Это же, стоявшее здесь, в стволе дерева, было диковинным: имело не молекулярную, а непрерывную структуру.

«Прямо-таки, золотое дерево! Спираль фрактала не солгала. Она предоставляла ему возможность взглянуть на жизнь под особым углом. Все, о чем только можно вообразить, - все это уже существует. И мозг имеет всякое вещество, какое можно найти в обозримом мироздании, и значит, с другой стороны, - он не может понапрасну представить ничего, ни одного вещества, чего не имеется в нем самом!

Но что в этом нового, если, скорее всего, еще и алхимики прошлого дошли до мысли, что ничто не возникает из ничего?

И что в колбе можно вырастить даже живого человечка и- может быть - зародыш фрактала всего Земного шара...

V

ЗОЛОТАЯ МОНЕТА ИМПЕРАТОРУ ОТ КАЗНЕННОГО ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКА

(Рассказ)

Вьегожев открыл отсканированную папку жизнеописания первого золотодобытчика России Ивана Протасова и продолжил ее изучение.

Старый отец Ивана, Пров, нанимая для него учителей, позаботился о том, чтобы его сын познал и азы алхимии. Как свидетельствовали страницы, перелистываемые на экране монитора, Иван, еще в отрочестве, в Великом Новгороде, много времени провел в домашней лаборатории с целью получения золота или увеличения его объема.

Все началось с того момента, когда учитель погрузил перед ним железный гвоздь в раствор медного купороса, и гвоздь стал красным, как медь; а намазанная ртутью медная монета стала «серебряной». Как это захватило его!..

А потом он видел, как серебро растворилось в кислоте, выделенной из азота – газа, который мало кто принимал всерьез; а золото исчезло в царской водке...

Он познал начало всех начал для химии: способность дать металлу блеск и плавкость ртути, придающей металлам «обжигаемость» и не дающей при сгорании ни золы, ни копоти, а значит, и вредных примесей, серы. И познал, наконец, – тайны самой обыкновенной, на первый взгляд, соли... Он и из нее пытался получить золото и однажды получил медь... Со своим учителем химиком Рудольфом он сплавлял золото и медь, добавлял в сплавы олово и свинец, ртуть и мышьяк. Затем лучше шли дела с получением «настоящего серебра», которое Иван научился делать из меди; но хуже шли дела с попытками превращать такое серебро в золото. И все же, получалось и нечто подобное золоту.

При этом, он зачастую обходился без заклинаний, без мистических формул, хотя без таковых при его учителе с мышлением алхимика вовсе обойтись было нельзя.

Пытаться делать золото и серебро всерьез – было делом опасным. Изготовители фальшивых драгоценных металлов уже наводняли все страны. Алхимиков приравнивали к фальшивомонетчикам и подвергли особо изощренным казням. Учитель Рудольф бежал в Россию, не желая, как он признался отцу Ивана, оказаться в «раззолоченной одежде», или же, как его бедный друг, фон Пайкуль, оказаться без головы под поклоном шведского топора.

Странно, но такого человека – беглеца – отец нанял Ивану в воспитатели. Потом Иван узнал, что для казней преступивших закон, как Рудольф, в германских княжествах был разработан особый церемониал. Перед умерщвлением преступника на него надевали раззолоченную одежду с колпаком и попросту вешали на позолоченной виселице.

А что до фона Пайкуля, то в 1705 году он с Рудольфом попал в плен к шведам; потом оба бежали, но Пайкуль был ранен и возвращен в тюрьму.

- Но то печальная история, давай-ка лучше поговорим о веселом, – прерывался на этом месте Рудольф.

И он рассказывал Ивану о том, как золото пытались делать и древние люди, и египетские полубоги Озирис и Изида, и прекрасная царица Клеопатра, написавшая трактат «Златоделие», и даже герой Ветхого Завета Хама.

Учитель познакомил Ивана с книгой «Изумрудная скрижаль, созданной по трудам из знаменитой Александрийской библиотеки, и они вместе долго переводили ее, в результате чего Иван познал голландский язык.

Рудольф рассказал ему и о великих алхимиках врачевателях Авиценне и Парацельсе, но их целью было не получить с помощью химии золото, а приготовить лекарства...

Но, правда, – добавлял он, – многих лекарств не было бы без попыток изготавливать золото.

Это вечные круги открытия непознанного, и, значит, бесконечная спираль, а это и есть суть гармонии, говорил учитель, – то, что лежит одновременно во всем.

- Ртуть серу, а также золото можно извлечь ото всюду, – говорил он Ивану, – потому что любое вещество содержит в себе элементы другого. Надо только познать заклинание. Тогда в

любом веществе появится отголосок бесконечного «Чудесного витка» первородной гармонии, и он может материализовать все то, в чем нуждается алхимик.

- Но есть богатство и в том, что лежит на поверхности, и чего много вокруг. И из собственной мочи можно выделить фосфор, испускающий голубоватый свет. А можно заставить мочу светиться... - И он дал Ивану выпить какой-то порошок, после чего, выйдя на ночь помочиться, Иван озарил своей струей все вокруг себя на метр зримым светом.

- Включая в себя чужие свойства, все химические элементы могут изменяться до неузнаваемости, - говорил Рудольф, - и в составах инородных тел они могут вести себя непредсказуемо.

Но и непредсказуемость, - это часть гармонии. Там, где все ясно до конца, - там гармонии нет, и там нет истины.

Все это должно было пригодиться Ивану, когда он достигнет своей цели - поступит в царские лаборатории, где получали металлы для орудий с новыми свойствами. Но до этого тогда еще надо было дожить...

Вьегожев не выпустил из внимания имени фон Пайкуля и запросил о нем сведений у системы. То, что предстало перед взором, потрясло его. «Генерал Отто фон Пайкуль. Служил в армии польского короля Августа II Саксонского, воевавшего на стороне Петра I со шведами. В 1705 году под Варшавой попал в плен и как изменник был приговорен к смертной казни. Желая спасти свою жизнь, он, будучи еще и алхимиком, попросил шведского короля Карла II сохранить ему жизнь, пообещав в знак благодарности озолотить монарха. И тот предоставил ему такую возможность.

По легенде, фон Пайкуль изготовил 147 золотых дукатов и медаль с латинской надписью «Это золото добыто с помощью химического искусства в Стокгольме в 1706 году». Но коварный король все равно его казнил 14 февраля 1707 года...»

- Не может быть! - сказал себе Вьегожев. - Но ведь на совещании у генерала Бреева докладчица Верзевилова, говоря о найденной у Голубой реки в «Городе чекистов» медали с подобной же надписью, называла дату 1722 года; и, кажется, даже место изготовления – Екатеринбург!

Значит, знаменитый генерал-алхимик прожил еще, как минимум, пятнадцать лет! Быть может, его спасли по приказу императора Петра, которому преданно послужил этот генерал в войне со шведами; а затем Пайкуль мог инкогнито работать с разработчиком серебряных руд графом Томовым, в том числе и в Екатеринбурге...

Связав данные, Вьегожев соединил в один вопрос название «Голубой реки», от которой шло свечение в подземелье, и свечение мочи Ивана после принятия им какого-то порошка учителя-алхимика Рудольфа.

Неожиданным образом это связалось со сферой деятельности некоего современного ученого, химика-практика – владельца химзавода, Вольфа Роготыгина, о котором в своей работе упоминал убитый ученый Чистяев. Чистяев провел на этом заводе ряд опытов. В частности, там он на одной установке неоднократно пропускал медную проволоку через воду, насыщенную фосфором, и проволока все более приобретала свойства золота, пока не достигла двести тридцать третьи пробы; далее проба не увеличивалась.

Запросив сведений об этом химике, Вольфе Роготыгине, Вьегожев не без изумления ознакомился с его полем деятельности, как создателя концерна сети писсуаров, которые, расцвеченные в бело-желтую полоску, находили с этим брендом все большее распространения во всех наиболее людных районах четырех российских столиц: Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и Новосибирска. Тот же Роготыгин недавно наладил и производство какой-то целебной соли, с примесью фосфора. Но самое любопытное, что Роготыгин открыл и небольшой ювелирный магазин...

Это уже указывало на некий след к драгметаллам.

«Генерал Бреев, - думал Вьегожев, - останется очень довольным. Не говоря уже о шефе следственно-оперативной службы «Сократ» полковнике Халтурине!..

VI

ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ПЛАТИНОВОЙ РЕТОРТОЙ

(Рассказ)

- Нам удалось сделать большой шаг в сторону раскрытия преступления, - сказал майор Сбарский.

Полковник Халтурин, оторвав взор от пальцев, которыми барабанил по крышке стола, поднял его и внимательно посмотрел в глаза докладчику. В тоне Сбарского была неуверенность. И стоял он как-то боком, вовсе не напоминая образцового офицера.

- В чем дело? – спросил Халтурин. – Давай-ка, майор, начистоту. Ты же знаешь, я не люблю, когда мне мямлят. Ладно бы еще кто, а то мой первый помощник Сбарский! Не могу на это смотреть, и слушать не могу. Ты уж прости!

- Виноват, товарищ полковник. Тут что?.. Тут ведь... Вот! – И он протянул на стол дубликат документа. – Это передано начальником бюро локализации исчезающих координат «Блик» Вьегожевым. Потом сами дадите оценку ситуации.

- Ну, ну... Сейчас только подготовлюсь, с твоего позволения.

- Виноват!

- Заладил. Читай, давай!

Сбарский взял дубликат и зачитал: «Английский алхимик Джеймс Земерес на глазах свидетелей сделал золото из соли. Однако не верующие в чудеса химики из Королевского научного общества поставили ему ультиматум: или сейчас же он повторит опыт на глазах ученой комиссии, то его объявят шарлатаном.

В зале собрались даже министры, чтобы своими глазами лицезреть это чудо. Когда из колбы с солью на свет божий извлекли кусочки металла, у зрителей округлились глаза. Но когда оказалось, что это медь, зал разразился хохотом...»

- Я бы тоже посмеялся, майор, но от твоего доклада можно только разрыдаться. Я уже слышал эту историю, только она случилась, кажется, с немцем. Ну, заканчивайте поскорее с этим! Я слушаю!

- Загадка указанного феномена раскрылась чуть позже. Оказалось, что всему виной слуга профессора Землера... - Говоря это, Сбарский шуршал листочками. - Ах, да-а!.. – воскликнул он, - вы, как всегда, правы, товарищ полковник. Он – немец. Но неважно...

- Произошла небольшая путаница, - с виной в голосе проговорил он. - Но вы знаете, система видео реконструкции событий «Скиф», чтобы ускорить результат, порой, исключает незначительные данные, и я ошибся.

- Ладно, продолжай!

- Так вот... Дело тут оказалось вот в чем. Этот слуга алхимика, искренне любящий своего хозяина, еще раньше начал в тайне крошить в химические колбы с солью немножко золотого песка. Пусть, де, хозяин порадует: что он создает золото! Можно представить, как тот радовался, видя, что его опыты дают столь удивительные результаты!

- Еще бы!

- Вот! И тут весьма довольный своей гениальностью Землер решил показать свои достижения по изготовлению золота из соли широкой общественности. И надо было такому случиться: его слугу срочно призвали в армию...

Халтурин засмеялся, большое тело его заколыхалось, как у чемпиона мира по боксу Валуева. Большим кулаком для солидности он загородил рот и крепкий подбородок. Смешком подержал шефа и Сбарский, но вновь подобрался, как атлет, и продолжал:

- Оставшись без слуги, тот профессор уже не смог получать золота из соли, но делать было нечего – гости уже съезжались. И тогда он поручил незаметно подсыпать золота в соль – во время проведения опыта – своей жене. Но она не стала расходовать золото на такую чепуху, и в нужный момент подсыпала в колбу меди... Потом, – это уже Вьегожев мне передал на словах, поскольку спешил к товарищу генералу, – этот профессор то ли отравился, выпив заранее приготовленный бокал вина с ядом, то ли развелся с женой, я так и не понял. Голова моя была занята другим.

- Чем же?

- Как только Вьегожев мне передал эти сведения, тут же меня и осенило. Ведь у нас же по делу убийства профессора Чистяева получается точно такая история.

- Правда?

- Посудите сами. Профессор Чистяев жил за городом. Ему прислуживала семья киргизских переселенцев, приехавшая в Москву по приглашению Чистяева. Дело в том, что когда-то он учился на одном курсе вместе с киргизом, – Сбарский открыл Папку, – Нуралкасымом Осмоновым. Тот принял российское гражданство, поселился с семьей в доме Чистяева, помогал ему в работе вместе со своим сыном, который готовил реактивы. Затем сын женился, был призван в армию, и его работу ради заработка взяла на себя его молодая жена.

- Да, я это знаю из материалов дела.

- Так вот, она-то, видно, что-то сильно напутала, перемешала и случайно получила те компоненты... ну, реактивы. Только на сей раз история улыбнулась: проведенный после этого опыт дал Чистяеву золото высокой пробы! Прибывший в тот же день с предложением к Чистяеву – проверить результат в масштабах производства директор химзавода Вольф Роготыгин, мог лично наблюдать этот эффект получения золота из солей светящегося раствора. Об этом свидетельствовала лаборантка. Но он ли ударил сзади ученого подвернувшейся под руку платиновой ретортой и взял журнал с записями опытов – пока неизвестно.

Халтурин округлил глаза и с сомнением покачал головой.

- Да, Вольф Роготыгин у нас сейчас на подозрении, и мы следим за его каждым шагом. Сейчас он в Екатеринбурге.

- Я в курсе этого! Все под моим личным контролем!

- Но ты должен учесть, что Вольф Роготыгин химик в третьем колене. Его предки тоже поработали в «Городе чекистов» в Екатеринбурге, в том числе над проблемой «Голубая светящаяся река». – Сказав это, полковник с сомнением добавил: - А туда абы кого не брали!

- Да, совпадений прибавляется. Кстати, товарищ полковник, настоящее его имя не Вольф, а Вольфрам, поскольку, как вы справедливо заметили, его предки также были фанатичными учеными-химиками.

- Может, ты хочешь сказать, что химик знает цену платиновой реторте, которой нанесли смертельный удар Чистяеву, и уж он-то прихватил бы с собой эту большую драгоценность, весом в килограмм?.. Значит, – он не виновен...

- Любопытно, что до сих пор мы рассматривали версию, что преступник не знал цены реторты, и вообще посчитал ее стальной. Но если предположить, что знал!..

- Если Роготыгин преступник, то, выходит, он – наоборот – все рассчитал правильно! – сказал в раздумье Халтурин. - Но вот что, майор, послушай небольшую лекцию! – сказал он, грузно освободился от бремени стула и стола, сделал несколько шагов и встал напротив Сбарского. Затем сообщил: - Еще в советское время некий Жофрей Жирдяев подговорил охрану одного фарфорового завода продать ему бочку раствора, не содержащего драгоценного металла, но которым все же золотили фарфоровые изделия.

- Интересно! Но это сырье могло и не содержать золота вовсе!

- Да, ты прав, но Жирдяев извлек из него настоящее золото, пусть и очень низкопробное, и потом сбывал его крупными партиями! Когда его взяли и допросили, то далеко не сразу поверили его «сказкам»: что первичным компонентом являлось сырье из этих самых бочек... Эти материалы я сразу же передал в отдел «Блик» Вьегожеву...

- Так вот, - продолжал Халтурин, - дело в том, что золочение создавала не золотая краска и даже не золотой раствор, он вообще, не был золотистого оттенка. Но лишь после специальной процедуры обжига нанесенный слой раствора давал эффект позолоты. Примерно, пот той же технологии получают и синий цвет знаменитой гжели.

- Понимаю, - сказал Сбарский.

- Но преступник потом продемонстрировал скептикам-экспертам и следователям свою технологию. Он разбавлял этот дешевый компонент из бочек с раствором какой-то соли. Он им признался во всем, кроме того, откуда именно эта соль; и он не раскрыл формулу ее приготовления. Соль имела очень сложный состав, с примесью фосфора.

В результате он почти вырыл себе могилу. По приговору Московского областного суда он должен был быть расстрелян, но в последний момент смертную казнь заменили пятнадцатью годами тюрьмы. Он вышел, потом вновь сидел...

Теперь округлил глаза Сбарский.

- Так это же зацепка, товарищ полковник. Дело об убийстве Чистяева, считайте, раскрыто! Надо найти Жирдяева!

- Да, майор, ты прав, надо проследить за Жирдяевым.

- Благодарю, товарищ полковник! Беру его на крючок!

- ...И если найдешь формулу извлечения золота из того раствора, считай - дал план по драгметаллу. Но мы попросту обязаны довести до конца оба этих дела, - сказал Халтурин все еще раздумье. Затем продолжал: - Вот что!.. Дело Жирдяева было засекречено, но сейчас он после третьей отсидки под Екатеринбургом вышел на свободу. Кстати, срок он отбывал в зоне Голубой реки. И, сдастся мне, что Вольф Роготыгин выехал туда именно к нему. Так что Роготыгин у нас остается одним из подозреваемых.

- Есть!.. Могу доложить, товарищ полковник, что Вьегожев выяснил причину, способную вызывать голубое свечение в подземной реке «Города чекистов» в Екатеринбурге, а также и кое-что о секрете таинственного состава соли...

- Понимаю, майор, ты хотел оставить это сообщение мне на закуску, но эту тайну я уже знаю и сам. Заметь, Жофрей Жирдяев брал свой соляной концентрат из писсуаров, каким-то образом сепарировал его на разные составляющие. Эта информация также у тебя на «почте», я отправил.

- Благодарю. То есть Жирдяеву нужны были разные, так сказать, сорта или виды соли из мочи?

- Вот именно. Подозреваю, что он был знатоком древних учений и знал, что моча разных людей имеет разные свойства. Если они, например, одержимы тягой к свободе, как у заключенных в подземном «Городе чекистов», то из их мочи получалось что-то особое и пригодное для одного специального компонента, а не для другого... Надо поразмыслить и над этим. Это может стать ключом к какой-нибудь ожидающей нас на пути секретной дверце сл своим особым замочком.

- Понятно. Разрешите продолжить работу?

- Продолжай, и докладывай, как всегда, ежечасно.

- Может, рассмотреть вариант перехода через портал? - спросил Сбарский, остановившись у двери.

- Сам знаешь, у нас нет стопроцентной гарантии попадания в необходимую точку в необходимое время, что и случилось сегодня с утра, когда мы сделали такую попытку, рассчитывая попасть точно ко времени совершения преступления в лабораторию Чистяева.

И на новую попытку разрешения генерал не даст. Дело не того полета, справимся и без астронавта. Кроме того, генерал не рискует напрасно своими сотрудниками. Ведь они могут попасть и под удар вооруженного бандита?..

Сбарский еще потоптался у двери.

- Ну, что еще?

- Начинаю подозревать, товарищ полковник, что преступник знал наши возможности и обсыпал кабинет каким-то реактивом, исключаяющим переход на этот участок оперативников-астронавтов из будущего, хотя это будущее только утро сегодняшнего дня. Может, все же, потрясти Вольфа Роготыгина?

- Мы лучше для начала все тщательно обдумаем. Ишь, потрясти! Впрочем, интуиция тебя подводит редко. Я подумаю. А теперь, наконец, иди. Генерал ждет моего звонка.

Есть!

VII

В «ЛАБИРИНТАХ» СЕРЕБРЯНОГО РУДНИКА.

ИСКАТЕЛЬ, НАСИЛЬНИК, ЖЕРТВА.

АЛХИМИКИ И СЕКТАНИТЫ XXI ВЕКА

(Мини-повесть)

1

Очередное совещание состоялось в кабинете полковника Халтурина, и на него были вызваны начальники отделов и бюро, в том числе начальник отдела контроля судмедэкспертизы и сверки данных «Оксидан» Валерий Хомякеев.

Однако первой было дано слово начальнику специального отдела неопознанных тел аномальных зон «Спонтан» Марии Верзевиловой.

- Кроме всего прочего, товарищ полковник, - начала она, - установлено следующее. Многие сооружения подземного «Города чекистов», которые в петровскую эпоху назывались «Лабиринтами Петра», строились и до Петра I, причем, на месте древних земных разломов.

Убитый в своей квартире в Москве профессор Фаворит Чистяев посещал «Город чекистов», а также встречался с представителями коренных народов этой земли, расспрашивал о растущих в земле, как французские трюфели, деревянных «рифейских», то есть уральских, идолов.

Живущее отдельной кастой шаманы-бородачи, указали профессору Чистяеву на причину, по которой деревянные бородатые идолы сосредоточились под землей. Оказалось, вначале рукотворные идолы устанавливались наверху, но под действием энергии из земных разломов, они начинали постепенно погружаться вниз. Аномальным является то, что при этом идолы начинали увеличиваться в размерах.

Поняв закономерность этого увеличения, можно было узнать и расстояние, отделявшее одного идола от другого, когда они уже погружались под землю с головой. Каким-то образом просчитывая эти расстояния, шаманы приходили к этим местам и устраивали свои камлания, взывая к силам духов. А непосвященные не понимали, почему пустые площадки объявлялись «священными местами».

- Так, с этим нам все ясно. Но где следы, ведущие к преступникам? – вежливо спросил Халтурин, глядя на девушку, которая, чтобы перевести дух, перебирала в папке нужные и ненужные листочки.

- Вместе с тем... Вместе с тем, - поводя хрупкими плечами, отвечала Верзевилова, - собиравшиеся там тысячи паломников мочились исключительно в разных местах: предназначенных для мужчин и женщин...

- Дело, как говорится, житейское... Продолжайте, продолжайте, пожалуйста.

- Уф! Я, кажется, пока все. - Сказав это, девушка достала зеркальце и, не обращая внимания ни на кого, стала пудрить нос. Ее на время оставили в покое.

- Слово начальнику бюро локализации исчезающих координат, - сказал Халтурин.

- Нетрудно теперь догадаться, - начал Вьегожев, - что все эти размеры и расстояния имеют отношение к пропорциям Фибоначчи, которые ученые называют «золотым сечением».

- Несомненно, что все квадратные, прямоугольные и прочие фигуры подземных коммуникаций так или иначе представляют собой некую спираль, форму фрактала с пропорциями «золотого сечения». Создав ее графически, можно познать и его предназначение, а значит - предназначение лабиринтов. Может, на самом деле, все завязано в свою спираль, или виток, на подземной светящейся реке?..

- Возможно, - сказал Халтурин. – Но как мы будем выглядеть, - подчеркнул он, - если будет установлено, что все эти коммуникации всего лишь повторили путь наиболее удобных для горной выработки пород! Что это не загадочные лабиринты типа чудесных завитков, а просто штреки шахт?

- Но все же! А что, если, - поделился внезапной догадкой Вьегожев, копая глубже, - сами местные породы гор, уходящие под землю до неизвестных горизонтов, по существу – тоже часть какого-то гигантского фрактала! И контуры гор, возможно, это всего лишь продолжение спирали фрактала, но уже на другом его витке. Сверху на то похоже!..

- На витке бесконечно растущего фрактала? Как растет и крупнеет в земле спора упомянутого трюфеля?! Здорово!

- В таком случае нам пришлось бы поискать и продолжение спирали гор, то есть уже, что выше них самих, и это может вывести нас и на атмосферные циклоны, - с усмешкой сказал Сбарский.

- Да, даже если мы что-то обнаружим и значительнее гор, то во что же нам придется заглянуть еще дальше – в небеса? – спросила Верзевилова, пудрившая нос и щеки, но не упустившая ни слова.

- Слово начальнику бюро оперативного розыска дублирующих артефактов «Борозда» Михайлевичу.

- Как утверждал ученый Чистяев, - вдруг самым серьезным тоном сказал он, - у шаманов-бородачей на этот счет не было никаких сомнений: да, они знали о законах «Великого чудесного витка», и что горы имеют продолжение витков на небе.

Сбарский удивленно повел бровями, услышав это, и с сомнением покачал головой.

- Да, они знали, - продолжал Михайлевич, глядя на него, - одного, как бы внушая, - что все, от витков на коже пальцев, даже их отпечатков, от кружащих над головой циклонов и до спиралей далекого млечного пути – все это звенья одной цепи, имеющие один корень рождения – так называемые нами, фракталы, с пропорцией увеличения, указанными нам Вьегожевым числами великого Фибоначчи.

- И сюда же мы, вероятно, можем смело добавить и факторы, вскрытые теми, кто пытался доказать теорему Пуанкаре о форме нашей вселенной, - тут же вставил Вьегожев.

- Да, и в этой связи нам всем может быть полезно, - вновь взяла слово Верзевилова, - послушать рассказ одного из кладоискателей в «Городе чекистов». Он исследовал много лабиринтов. Позвольте, товарищ полковник? – Она спрянула зеркальце и потянулась за пультом, чтобы включить видеофильм.

- Давайте, лучше пока своими словами, - сказал Халтурин и слегка вздохнул.

- Слушаюсь! – Рука ее легла на место. - Имя этого кладоискателя Олег Запытайкин...

- Да, да, помню, он проходил по одному делу...

- Так вот, этот Запытайкин, нередко наталкиваясь на различные артефакты, даже кости, стал находить и золотые кольца, и золотые монеты, причем, - новенькие, будто только что вышедшие от ювелира или из-под пресса чеканки. Увлечшись драгоценными находками, он углубился в горы и увидел огромную пещеру с высоким сводом, с горами золотиносного песка, с каким-то странным огромным приспособлением. Оно напоминало метательную машину древних покорителей крепостей, и стояла она на берегу светло-голубой широкой реки, источавшей свет.

А на другом ее берегу он видел куски золота, такой формы, будто в золото превратились горные камни, наподобие тех, что лежали у метательной машины, поменьше.

И один такой небольшой камень уже был заряжен в том метательном орудии, чтобы затем, вероятно – стать больше!

Вьегожев, который видел такую машину в одной из головоломок – в электронной рубрике «Исторические загадки», уже тогда выйдя на понимание принципа образования фракталов, предположил, есть среда, проходя через которую, предметы могут увеличиваться, как в геометрической прогрессии: а по Фибоначчи эта прогрессия возрастала в пропорциях 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34 и так далее.

В структуре некоего фрактала метательная машина, бросившая небольшой камешек через среду, увеличивающую его, обеспечивала приземление на другой стороне целого валуна.

А если среда способна влиять на превращение одного материала в другой – например, - в золото, то это объясняло, откуда могли взяться его груды, на которые и указывал позже случайно оказавшийся у подземной Голубой реки копатель древностей Запытайкин.

Эти камни могли быть медной или серебряной рудой и, перелетая через границу реки, насыщенной солями, может, и солями мочи, становились золотом. Необходимое количество мочи могли обеспечивать в XX веке и тысячи заключенных, живших в «Городе чекистов», а в иных эпохах - те местные народы, поклоняющиеся бородатым идолам, которые, как только что докладывала Верзевилова, ходили мочиться в специально отведенные места.

И намоленные идола, которые располагались на поверхности в разных местах, и провалившиеся под землю, к истокам той Голубой реки, камлания и другое – все здесь издревле могло служить этой цели – добыче золота.

Какой процент драгметалла оказывался в тех полученных валунах на другой стороне реки, неизвестно, но во всяком случае золота в этой руде (полученной с помощью познаний законов образования фракталов и других сакральных тайн) уже было достаточно, чтобы его затем извлекать.

- Запытайкин положил в карман горсть найденного им золотиносного песка, - продолжала докладывать Верзевилова, - и затем он попытался перейти реку. Но когда он ступил в нее, в голове его помутилось, и он очнулся наверху возле деревянного идола, ушедшего в землю по пояс. Там Запытайкин, постепенно приходя в себя, вспомнил, что перелетал по какой-то спиралевидной трубе. При этом, он видел себя отраженным в зеркалах и зрел себя в виде какого-то чудовища с множеством рук и ног, с несколькими головами и даже материализовавшимися в мыслящие формы органами чувств. В то мгновение он испытал ощущение, как будто мог увидеть и понять все, что происходит на земле и в космосе; и он видел мост, соединяющий космос с землей. - Уф! – Вздохнув, докладчица посмотрела на соседа.

- Разрешите? – подхватил долго ожидавший, пока настанет его черед, начальник отдела контроля судмедэкспертизы и сверки данных «Оксидан» Хомякеев, - открывая, наконец, свою папку и приготавливаясь зачитать с нее.

- Разрешаю.

- Здесь у меня - материалы экспертизы о вменяемости и невменяемости данного свидетеля. Зафиксировано чередование рассматриваемых факторов. Запытайкин будто бы даже увидел в тех померещившихся ему зеркалах - и множество своих потомков, хотя был и остается неженатым...

- Что теперь уже трудно ему будет поправить в психиатрической лечебнице, - с усмешкой сказал Михайлевич.

- Думаю, что вы правы. Но не все так безнадежно... До того, как попасть в лечебницу Запытайкин несколько раз был судим за попытку изнасилования, видно получив при переходе через одну из фрактальных спиралей того подземелья и увеличение, так сказать, мужской потенции... - Он мельком глянул на Верзевиллову, ожидая, что она вновь схватится за пудреницу, но она, фыркнув, бросила вызов, резко приподняв красивый белый подбородок и сморщив красивый белый нос, на самом деле тут же порозовевший. – И это, кстати, зафиксировано медэкспертизой, - продолжал Хомякеев. – Мы утверждаем, что он с тех пор представляет собой редкий экземпляр в области мужских возможностей.

- Хотя мы тоже не лыком шиты...

- Не отвлекайся, капитан, - сделал замечание Михайлевичу Сбарский.

- Но это, в известной степени, - патология, - поспешил продолжить Хомякеев, метнув в сторону молодой женщины глубокомысленный взор. Затем он опять сосредоточился на содержимом папки. Однако взоры остальных мужчин еще какое-то время продолжали усмешливо ласкать несколько расстроенное лицо коллеги с напыленным лицом, источавшим аромат всех известных цветов и всех засунувших в них свои хоботки насекомых.

«Погодите, я вам отвечу!..» - казалось, шептали ее плотно сжатые и чуть приподнятые в улыбку губы.

- В то же время, не может не удивлять поведение этого бывшего искателя подземных приключений, нашего Запытайкина, предпринявшего целый ряд попыток изнасилования женщин. В тот решающий момент, когда, казалось бы, жертва сдалась и ему уже ничего не может помешать, каждый раз его что-то вдруг останавливает. Тормозит! По его же словам: что-то в тот момент заставляет его к чему-то прислушаться; и какой-то голос отталкивает его от жертвы.

Словом, сам насильник уже пускается в бега и превращается в гонимую злодеем жертву. Но экспертиза указывает на патологические изменения в гормональном аппарате и аппарате производства гормонов... Эти материалы были переданы Верзевилловой, товарищ полковник, - сказал Хомякеев. Халтурин посмотрел на нее. Она отреагировала:

- Да, эта патология, надо думать, также связана с влиянием фрактального фактора, при которой нарушается присущая человеку гармония, набор генов и тому подобное. Вы довольны? – Вопрос она адресовала докладчику.

- Я так вполне, Верзевилова, - ответил за Хомякеева Халтурин. Но он тут же обратился к присутствующим: - Пожалуйста, не отвлекайтесь и говорите только по существу! Продолжайте, Хомякеев.

3

- Можно особо отметить, товарищ генерал, и следующую, на мой взгляд прелюбопытнейшую, деталь...

- Прошу вас, подыщите другое слово, - сказал Халтурин, - это отвлекает от главного.

- Ладно! Можно отметить очень важное обстоятельство! После посещения Сталиным этих катакомб в «Городе чекистов», а заодно и местного музея с хранящимися в нем борода-
тыми идолами, у Иосифа Виссарионовича сразу же были замечены некие психические отклонения. Эти сведения хранятся в материалах допросов врачей после смерти вождя. Что же это за отклонения? Когда он разговаривал, то начинал, словно, к чему-то прислушиваться: к своему внутреннему компасу? Может, даже к часам? Потому что иногда в полевых условиях, когда он не видел ходиков на стене, своего кремлевского кабинета, он начинал раз за разом подводить свои наручные часы.

- Так, и что нам все это дает?

- Оккультисты Георгий Гурджиев и Вольф Месинг, по имеющимся данным, отмечали такую способность у некоторых личностей, которые чувствительны к излучениям звезды Ану-
биса. Сталин, видимо, относился к таким, и потому-то и строил высотки в Москве – как символ этой звезды. Месторасположение всех их, в комплексе, по некоторым признакам имеют величину соотношения расстояний и высоты к сакральным числам. Например, высоты найденных под «Городом чекистов» в Екатеринбурге бородастых деревянных идолов 2, 8 метра и 5, 3 метра соответствуют высотам – так сказать, в «квадрогонометрическом» исчислении – некоторым параметрам сталинских высоток.

- Это никак не может являться случайным совпадением, - подал голос Вьегожев.

- И, следовательно, если аномальные подземелья «Города чекистов» составляли, в целом, некую природную закономерную целесообразность, - и сообразно ей был налажен определенный искусственный образ жизни, как в четко налаженном механизме, - то и Москву вождь хотел видеть именно такой же – связанной с тем же механизмом!

- Что, в принципе, сделать ему удалось, - заметил Михайлевич.

Халтурин сделал знак рукой, и Михайлевич продолжил:

- То же самое, видно, удавалось достичь и Петру I, и древним аборигенам гор - древним бородастым русичам. Возможно, они имели отношение к известным бородачам-овенилам, поклонявшимся «Молокку» - божку с телом быка, овена, тельца с головой человека. Они имели здесь городища, являвшиеся их перевалочным пунктом для походов в Китай и обратно. Численность их достигала миллиона человек. Имеются гипотезы, что в свое время от них и защитились соплеменники Конфуция своей Великой китайской стеной. Согласно одной из гипотез, китайцы, таким образом, пытались защитить, прежде всего, тайны своих многочисленных древних пирамид. - Сказав это, Михайлевич повернул голову ко Вьегожеву и кивнул ему, передавая слово.

- Разрешите, - попросил Вьегожев.

- Пожалуйста, Олег Дмитриевич, надеюсь, вы поможете нам укоротить путь к следам преступников.

- Постараюсь, товарищ полковник. Но, может, нам удастся решить сразу две задачи: поймать преступников, обеспечить план по драгметаллу...

- Хорошо, это – разумеется. Начинайте, - махнул широкой тяжелой пятерней Халтурин и уткнул взор в крышку стола. Ему всегда становилось немного не по себе, когда ему напоминали о необходимости выполнения ведомством «Кашалотов» плана по драгметаллу. Этот план сдавался ежедневно, и его следственно-оперативная служба «Сократ» не редко играла в том самую осязаемую роль. Однако в душе полковник всегда считал главным выполнение своей основной миссии – поиск преступников, хотя бы все они во всех вновь заведенных делах так или иначе были связаны именно с сокровищами или залежами драгметаллов.

- Получены сведения, что часть гор в их обширном комплексе возле Екатеринбурга, вокруг «Города чекистов» является частью или же остатками древнейших пирамид, видимая часть которых имеет возраст около девяти с половиной тысяч лет.

- Заметим, эта часть ушла под землю, приблизительно, в то же время, что и древняя Атлантида, - сказал Сбарский.

- В связи с этим мы ведь теперь можем предположить, что и исчезновение древних цивилизаций, Атлантиды, Арктиды – это тоже часть работы некоего, так сказать, исторического фрактала?! – воскликнула Верзевилова.

На этот раз Халтурин ей одобритительно улыбнулся.

- Разумеется. И в таких пирамидах, - продолжал Вьегожев, - возможно полное исчезновение объекта или его переход через некий портал в другие миры. Об этом, в частности, говорил «сталинский» архитектор тридцатых годов, финн по происхождению, сын угорского шамана-бородача из-под Екатеринбурга, хранителя тайн Гипербореи, по имени Овенил Антонов. Он хотел выехать на родину предков – куда-то на далекий север. Есть сведения, что ему это удалось, и дело его в Екатеринбурге продолжили другие.

- Так что о нем? – заинтересованно спросил Сбарский.

- Есть следующие данные: этот Овенил Антонов сидел в том же лабиринте - в спиральном лабиринте «Города чекистов» в одной из камер заключенных. Об этом свидетельствует надпись на стене той камеры, сделанная его рукой, а также нанесенные им же знаки и формулы: явно, для перемещения в иные измерения, что уже расшифровано по оставленным на том же месте своеобразным пиктограммам.

- Это доказано?

- Считается, что только именно таким способом Овенилу удалось бы выйти из заточения: он попросту преодолел толщу горы, как идолы, и вышел на свободу. Расшифровка части знаков свидетельствует о том, что он проклял и свой проект, и власть, обманувшую его, вместе со Сталиным.

Вьегожев сделал маленькую передышку и продолжал:

- На самом деле страдания людей, - как утверждают отдельные оккультисты, - было частью замысла тайных служб, которые вынуждены были отдавать необходимую дань горем людей тем подземным идолам. Оккультисты из ЧК и НКВД, конечно, знали о силе и возможностях этих идолов.

- Неужели все это правда?! – воскликнула Верзевилова.

- Я опираюсь на полученные данные. Я не эксперт.

Тут же ответил Хомякеев:

- Как эксперт, заявляю: установлено доподлинно: некоторые из идолов требовали постоянных жертв. Но особо подчеркну, что при этом для поддержания своих сил они нуждались отнюдь не в плоти, а только в душах насильственно умерщвленных, принесенных в жертву. Отсюда и наличие отдельных камер, похожих на пыточные, где, вероятно, время от времени палач делал свое кровавое дело.

- Это все?

- Пока все, - вынужден был остановиться Хомякеев. Ему показалось, что у полковника кончается какой-то лимит отведенного на данное совещание времени.

4

- Ну, вот и хорошо, - с облегчением сказал Халтурин. - Майор Сбарский, вам слово.

- Вызывает интерес, в связи с вышесказанным, совпадение двух преступлений: нашего, связанного со способом убийства профессора Чистяева, и некоего жителя Екатеринбурга Фарида Жирдяева.

У обоих череп раскрыт ровно вдоль темени, и тело убитых сложено как бы клубком, или в позе, какую имеет в материнской утробе ее плод.

Фотографии убитых в такой же позе найдены и в старом екатеринбургском фонде архива НКВД. Не исключено, что именно в такой позе и преподносилась жертва неким божкам или, наоборот, демонам.

На убитого Жирдяева мы обратили внимание, раскручивая дело о его родственнике, сводном брате Жоффрее Жирдяеве, который недавно вышел из тюрьмы, отсидев восемь лет по статье о хищении государственного имущества в особо крупных размерах, хотя это и была пара десятков бочек с дешевым сырьем фарфоровой фабрики.

- Правда, с помощью этого сырья, как мы знаем, Жоффрей изготавливал настоящее золото, - отметил Халтурин.

- По иронии судьбы и, вероятнее всего, - согласно непонятным мне законам, которые здесь, как погляжу, все связывают с факторами фрактальных образований, - продолжал Сбарский, с усмешкой глянув на Вьегожева, - Жоффрей отбывал наказание в очень старой тюремной зоне неподалеку от того же «Города чекистов». И на работы его посылали в эти самые загадочные многокилометровые лабиринты в район Голубой реки.

Сейчас место пребывания Жоффрея неизвестно, но он, когда вышел из тюрьмы, в поисках пропавшего брата, идя по его следу, побывал в местной секте «Соинтологи-идолопоклонники», оправдывающих опыты над людьми...

- Все это удивительно, - отреагировала Верзевилова.

- Как и все в наших делах, и вы уже должны были привыкнуть к этому, - философски заметил Халтурин.

- Привыкнешь к такому! Я в «кашалотах» месяц, а будто просмотрела все триллеры Голливуда за все время его существования!

- Что поделать, вы нам очень нужны! И вам придется привыкнуть.

- Ну, хорошо, не будем отвлекаться, - сказала сотрудница и почувствовала сильное желание заглянуть в зеркальце, но с большим трудом удержалась.

- ...Как мы можем судить, отталкиваясь от философии различных сектантов, в том числе шаманов-бородачей, убийство брата Жоффрея, Фарида, было совершено в ритуальных целях. Удар по черепу нанесен так точно и именно по той точке, что позволило раскрыть череп ровно посередине. Полагаю, этим самым было положено начало попыткам возрождения старым традициям ритуальных убийств.

После того, как во время горбачевской перестройки «Горд чекистов» опустел, а в эпоху рынка ряд его помещений был попросту сдан на откуп местным предпринимателям в аренду, в том числе группе последователей соинтологической философии идолопоклонства. Их сообщества принимают форму сект, в том числе военизированного типа, и вербуют они своих сторонников, надо полагать, по современной маркетинговой технологии.

Екатеринбургская секта – имеет своеобразные признаки, условно обозначаясь у местных попросту, как «Секта чекистов». Они также арендуют помещения и проявляют особую настойчивость в отношении бывших помещений лабораторий и тех самых камер, где, согласно версиям, приносились жертвы. Можно даже предположить, что отдельные камеры уже вновь заработали: начались аномалии.

- Вот как, и какие этому примеры?

- Недавно один пытливый журналист попытался проникнуть в тайну этих лабиринтов, но едва переступил порог одной из дверей подземелья, как на глазу своей видеокамеры тут же исчез из вида. Как испарился. Навсегда.

Сегодня ряд объектов города вновь засекречивается, однако исчезли точные карты лабиринтов. И, не исключено, что при сложившейся ситуации отдельные секретные службы и секты будут существовать в подземных штабах буквально за стеной друг у друга, не подозревая об этом.

- Все они часть какого-то нового фрактального образования, начавшего там свой рост! – вслух, но как бы в раздумье произнес Вьегожев.

- Это не доказанные домыслы. Продолжим!

- Есть! Поступили также сведения, что под этими горами в Екатеринбурге - с идолами и светящейся рекой, в дополнение ко всем имеющимся на сегодня проблемам - строится секретный ядерный реактор и уже прокладываются, восстанавливаются и снабжаются оборудованием многокилометровые тоннели для разгона микрочастиц.

- По сути это, возможно, аналог европейского коллайдера, - сказал Халтурин.

- Подземные водохранилища имеют достаточный объем воды для охлаждения любого ядерного реактора. А теперь ближе к делу об убийстве Фариды Жирдяева и, следовательно, нашего профессора физика Чистяева. Разрешите?

- Да, это правильно, - кивнул Халтурин. – Разрешаю.

- Надо сказать, товарищ полковник, что территория подземных лабиринтов широка настолько, что в разных местах в подвалах и полуподвалах хозяйничают не только тайные сообщества, но уже имеется целая сеть ночных баров.

Остановлюсь на складах виноторговцев. Они находятся в том же помещении, где хранил свои емкости со спиртом и Петр I. До сих пор одна из здешних улиц с давних пор носит название «Петроводочная». Возникает вопрос: что было в тех петровских емкостях? Не такая ли жидкость, как украденная с фарфоровой фабрики в наше время и с помощью которой Жофрей Жирдяев изготавливал золото?!

Сбарский, поставив вопрос, закончил говорить, как трибун первой республики, отметил удовлетворенную улыбку Халтурина и со знанием хорошо исполненного долга передал эстафету другим. При этом он выразительно посмотрел туда, куда повернулась голова Халтурина, - на Верзевилову.

- Вопрос вполне законный, - тут же подхватила она, получив мысленный приказ. - Иначе зачем же бочки отсюда везли в Санкт-Петербург? А это также имело место и на данный момент вызывает много своих вопросов.

Этот путь с данными бочками пролегал через «Демидовские серебряные прииски», минуя наши древние капища с идолами, где Петр, по просьбе шаманов, на какое-то время все же запретил добывать серебро. Там же, кстати, обнаружены и остатки небольших нефритовых жил.

- Так вот откуда нефритовые изделия, что были найдены в музее иолов, когда те своими деревянными головами пробили потолок с тайником драгоценностей! – воскликнул Вьегожев.

- О них попозже... Серебро, золото, а, может, и нефрит были необходимы самим идолам, о чем, видимо, прекрасно знали шаманы. Золота в петровскую эпоху не добывали, но, не исключено, - к чему мы сообщаем подходим, - делали его из серебра!

- Все это наводит на мысль, - заявил вдруг Вьегожев, - золото являлось одно из первоначальных звеньев в механизме, включающем работу духов «Чудесных завитков», о которых сообщали шаманы. И, следовательно, не будет удивительным, если эти завитки будут обнаружены и в молекулярном строении серебряных и золотых минералов с тех рудников.

- И что это нам дает?

- Это подтвердило бы, что серебро возможно преобразовать в золото. Этим, вероятно, и занимались древние, а шаманы передали часть секретов императору через графа Томова, и Томов, возможно, пытался добывать золото и в своих лабораториях в Санкт-Петербурге в районе Замаранихи.

- К тому же, - кивнув, согласился Халтурин, - если такая структура сформируется и в сплавах драгоценных металлов, например, с помощью добавки в серебро, золото или платину каких-либо лигатур, улучшающих их качество и пробу, то будет решена загадка убийства

физика, химика и металлурга Чистяева. Ведь он, как мы знаем, специализировался именно на сплавах и изготовлениях лигатур.

- Так точно! – тут же подхватил Сбарский. - В своих записях, насколько я помню, Чистяев ссылался на опыт изготовления сложных сплавов драгоценных металлов – подчеркиваю – для проникновения в миры духов некоей тайной общности «Сектанитов-чекистов», которые сегодня, что также известно, узурпировали право добывать в тех горах этот самый нефрит и другие ценные минералы.

- Что скажут эксперты? – Вопрос был адресован Хомякееву.

- Посоветуемся вместе и сделаем общие выводы, - спокойно отвечал тот. Халтурин кивнул.

- Итак, - сказал он, - мы вплотную подошли к вопросу об использовании в сакральных целях минерала нефрита. И мы всерьез полагаем, что его свойства как-то связаны с изменением временного и пространственного континуума.

Сделав паузу, полковник продолжил:

- По некоторым оперативным данным «Сектаниты-чекисты» соединились с «Соинтологами-чекистами», и ими запланирована акция встречи всех заинтересованных сторон для обмена опытом и, вероятно, драгоценными сплавами, нефритовыми изделиями и другими сакральными предметами.

- Что ж, если дело обстоит именно так, то нам остается подождать, где возникнет эта тайная «стрелка»-ярмарка а, может, и рынок сбыта золота, и там вы их возьмете тепленькими. Всех сразу! – сказал Вьегожев.

- Благодарим за совет, - сказал полковник, - но, как нам всем известно, в «Кашалотах» любое задание выполняется в течение рабочего дня, максимум – в течение суток-полтора. Следовательно, у нас в запасе лишь считанные часы.

- Да, как и всегда, - философски заметил Сбарский.

- Поэтому мы должны поторопиться. Благодаря оперативной работе группе майора Сбарского уже удалось выяснить, что эта ярмарка, то есть сбор или сходка адептов сектантских сообществ, состоится сегодня в полночь.

- Правда, «полночь», когда дело касается сакральных вещей, - это, все же, не двенадцать часов, а что-то иное!

- Учитывая способность сектанитов манипулировать временем, они могут захлопнуть его рамки перед носом самой лучшей из наших ищек. Этого я вовсе не исключаю! – продолжал Сбарский. - Проколы у нас все же случаются. Однако надо предусмотреть и то, что главным в программе сектантов может быть проведение ритуалов...

- И, возможно, принесение в жертву человека? – спросила Верзевилова.

- Вот именно! В самую точку! Допускаю, - веско подводил итоги Халтурин, - все эти сектаниты пытаются установить, какое чудо-звено в длинной цепи фрактала земной планетарной реальности занимает человеческая жизнь, а также человек - как материальный, физический объект, может, и киборг или робот, идущий им на смену.

Верзевилова зафиксировала:

- Следовательно, мы признаем: среди сектанитов имеются очень умные и много чего умеющие делать личности.

- Да. Вот почему, к нашему сожалению, мы, даже если и вычислим место их сбора до минуты, можем потерять их из вида в последнюю секунду. Надо тщательно подготовиться!

- Все может быть, товарищ полковник, - сказал Сбарский. – Они там живут не по Гринвичу и не по московскому или екатеринбургскому времени, а по своим внутренним компасам! Раз – и стена захлопнулась! Но вот время их полного сбора и готовности к перемещению через время, они, все же, должны будут определить и зафиксировать...

- Вот именно! И единственная возможность попасть к ним – это узнать час их встречи! – сказал Халтурин.

- Ну да, и предъявить им условия: вы отдаете нам золото для плана «Трех кашалотов» и преступников, убивших одним способом - раскроив черепа - ученого Чистяева в Москве и брата Жофрея Жирдяева в Екатеринбурге, а мы вам полную свободу действий! – подал реплику Вьегожев.

- Да-а, еще можно попросить у них нефритовую бочку хорошего вина! – сказал ему в тон Хомякеев и весело подмигнул соседке.

- Не переборщить бы! – заметил Михайлевич. - Вот, взять, например, неких сектантов Кореня Молоканова времен Петра I; некоторые из адептов уже и готовы были поделиться сакральными знаниями с императором, да Петр неразумно потребовал их сбрасывать бороды, а кто не брил – сдавать дополнительный налог на право ношения таковой.

Халтурин приподнялся над столом.

- Что ж, на этой ноте пока прервемся. Сбор, как всегда, по моему сигналу, или сигнальте сами, если кто-то из вас обнаружит что-то очень важное.

- Вы сомневаетесь в наших результатах, товарищ полковник? - спросила Верзевилова.

- Нет, конечно, особенно не сомневаюсь в вас, Марианна. Вы еще всем нам утрете нос!

Она улыбнулась и как можно серьезней предложила:

- Может, установить критерий важности обнаруживаемых сведений? Например, и такой, который позволял бы прийти без доклада к вам или даже в кабинет к генералу Георгию Ивановичу Брееву?

- Мы над этим подумаем. А пока идите, начальник отдела «Спонтан», вы нам и сегодня уже очень помогли!

- Слушаюсь.

- И вы все тоже можете идти на свои рабочие места! Майор Сбарский, ты тоже пока ступай к себе поработай!

«Миленькое дело – «Ступай к себе поработай!» А я здесь что, баклуши бью, что ли?»

«Идите на свои рабочие места!» Как это приятно прозвучало, когда душа попросила покоя, а собственное сидалище – привычного стула за родным рабочим столом!» - рассуждал Вьегожев, шагая к своему кабинету. – Но еще есть «сидалище души» - то, что ученые всего мира зовут человеческим мозгом.

И он теперь мне очень понадобится, чтобы окунуться в прерванную повесть жизнеописания первого российского золотодобытчика Ивана Протасова.

Кажется, он все еще в Санкт-Петербурге, все еще молод, и он – влюблен!..»

VIII

СЛУХИ О ЛАБИРИНТЕ ЦАРЯ-«АНТИХРИСТА» И О ПОСЕЩЕНИИ ГРАФОМ ОСЕТРОВЫМ АМЕРИКИ. ЯВЛЕНИЕ СТАРЦЕВ И ДЩЕРИ ЛИЗАВЕТЫ

(Мини-повесть)

1

«Решив образовать социальную структуру Санкт-Петербурга, власть насаждала в нем магистраты, цеха и гильдии. В одночасье русские ремесленники, купцы и большинство горожан проснулись членами гильдий и цехов. Остальные жители подлежали поголовной проверке. Государь призвал в помощники этому начинанию и ближайших своих сатрапов, дав дополни-

тельные полномочия магистратам – кроме сбора налогов, участвовать в наведении порядка, определять людей на работы.

Часть из них рыскала по городу, выявляя беглых крестьян: для привлечения их, хотя и за плату, на опасные работы в шахтах и на осушении болот - уже далее района Замаранихи с царскими литейными цехами и секретными лабораториями. Там – по официальным запросам - требовались новые площади для копки и расширения подвалов, а по слухам – там царь-«антихрист» Петр I строил колдовские лабиринты, как и на Каменном поясе.

Всех, кто был не согласен идти на такие работы, ссылали из столицы на прежнее место жительства. И тут уж и бывшие сторонники жестких мер Петра стали замечать в себе слабинку: жалость к тем, кто был гоним, прежде отдав много сил постройке нового города, кто потерял здесь родного человека, кто не имел кормильца и не получал ни от кого никакой помощи. Не много уж было охотников копаться в человеческих судьбах, в их душах, чтоб выворотить их совсем наизнанку да вместе с тем забыть о собственном покое.

Но иначе, без новых мер к порядку в новой столице было, казалось, уже не обойтись. Всеобщее недовольство становилось пороховой бочкой, когда подогревать ее взялись старообрядцы - раскольники, подвергая сомнению все, что успел сделать Петр I и что еще задумывал сделать.

Однажды высвободившись от авторитета церкви, раскольники разделились «на много-разные толки». Казалось, что это разделение уже никогда не будет иметь границ. Невозможность докопаться до истины посредством адептов церквей и сект многих заставила ограничить себя от внешнего мира строгой буквой Святого писания.

Но уже и Святое писание стало простыми людьми толковаться по-разному. И тогда, чтобы уйти от этих искаженных кривотолков, наиболее отчаявшиеся докопаться до истины стали стремиться войти в непосредственное сношение с духовным миром и даже с самим Господом-отцом.

В Санкт-Петербурге заговорили и о «Чудесном витке завета», который – по разумению иных обывателей - только и был способен объяснить все случившееся.

Пошли слухи о подземных лабиринтах, начертанных, как магические знаки, откуда можно подняться в горы, а затем в небеса по светящейся, как синий огонь, реке. Распространялись амулеты из разных минералов, в том числе и нефрита, которые могли указать и прошлое, и будущее любого человека.

Продолжались слухи о древнем священном славянском капище, открывающем путь к миру старой веры, и что таковое было, наконец, отыскано под Замаранихой.

Этот слух заставил бесчинствовать инквизицию в поисках распространителей сведений о секретных подземных царских лабораториях в Замаранихе. Потом пошли кривотолки: что это капище под землей, а глубже – уже под болотом, и кто пойдет его осушать, тот погубит его тайную силу, противоборствующую царю-«антихристу».

А еще говорили, что то капище – прямо в кабинете царя-императора.

Но больше всего многим верилось в то, что он, император Петр, - есть император, голландцами подмененный.

А посему, дабы извести корень русских людей, разорвет он «Чудесный виток завета» на мелкие кусочки и бросит в Неву. И тогда из Невы появится Антихрист-судильщик.

А вместе с появлением Антихриста-судильщика ждали уже защитников Иоанна Божьего слова, Еноха и даже Илию.

Многие, перестав воспринимать мир, каков он есть, кончили тем, что стали приводить себя в напряженное неестественное состояние, дабы получить наитие свыше и прокормить свою плоть лишь даром пророчества.

И люди верили, что якобы обладающий таким даром пророк глава секты «Витка завета» Корень Молоканов был вызван в Синод на богословские прения, доказал там, что его вера

лучшая и ссылался для доказательств на старые священные книги. А те книги, где о Христе на Руси говорили до рождения самого Христа, - были брошены в костер.

Корень напроорочествовал за то сжигателям книг наказание, а сам за такие речи должен был понести наказание снесением головы. Но Петр, де, испугался народа и выпустил старца из тюрьмы. Корень опять вернулся в свой дом и, не боясь «царя-антихриста», созвал к себе со всех городов главных старцев и старинь, дабы сообща помолиться за всех своих братьев и сестер.

И все же, - шли те же слухи, - неровен час, Корень будет сослан в Астрахань или же в зауральские земли.

Огонь страстей подогрели вдруг возникшие, как из подполья, секты овенилов и офенян, также распространяя слухи о подменном царе-«антихристе», о детях его и о внуках. И о том: явился, де, человек многолетний – не Иоанн ли Богослов явился? Слух шел из Москвы и Владимира.

И еще говорили, что император ходил в низовой поход, и – вторили тому – в полках тем часом явился великим возрастом человек, и называли его богатырем. Не Енох ли, и не Илья ли Муромец явился? И еще, шел слух: сыскан в Астрахани и в Зауралье «Золотой виток завета» - посланником императора в башкирские земли графом Осетровым.

« - И вот теперь не спешит Осетров возвращаться назад, ибо путь свой наметил в Америку, в индейскую секту почитателей Святого Креста! А повлиял на его ум схваченный в Астрахани еретик Артемий Иванов, вещавший, что Сын Божий распят не был, а распят вместо него пророк Евсейий!

- И вот чтобы опровергнуть сие заблуждение, решил граф-то Осетров побывать в Америке. И появился он там через два часа, поскольку имел карту старого царского морехода Прова Протасова, указавшей в море путь через волшебный завиток, посредством которого можно в три часа достичь даже небес и Престола Славы.

- И еще говорят, что прибыв в ту Америку, Осетров, отыскивая крест, увидел вначале одноногого идола, затем священные книги и их хранителя и трактователя Чиванку, который также, как и Корень Молоканов, выступающий против Синода, вступил в дискуссию с местным первосвященником Диким Ландой.

Тот Ланда показывал свои тексты книги, утверждая, что его вера лучше; за те речи этот Ланда тоже был выслан, да только с выслоек-то сбежал и с помощью Терпеливого Бога Балаютки улетел на звезду Марс – точно так, как этого себе желает по смерти царь Петр!

- Да, да, да-а! – вещал, качая головой другой и добавлял:

- А поднявший затем восстание Мангуль-чрево вещатель из Каркурта, где хранился Святой Крест Иисуса и медные пластинки с изображением новорожденного младенца на груди матери, возвестил об отмщении гонителям веры!

- Наконец, все это на месте-то прознав, тот наш Осетров, - обносили друг друга подробностями люди, - нашел крест, да крест не простой, а тот, на котором был распят Иисус, а крест тот стал наполовину нефритовым и стал говорящим!

И с ним Осетров направился под Екатеринбург к Синей реке. И как узнал ту правду император Петр, так велел Осетрова повернуть обратно в Россию в кандалах и учинить над ним суд...»

Здесь запись обо всем этом, об индейском говорящем, да еще и нефритовом кресте, как и об исполнителе тайных поручений императора Осетрове, предавшем императора ради старой христианской веры и чуть ли не вставшем во главе борьбы старообрядцев против церковных реформ патриарха Никона, прерывалась.

Вьегожев, заинтригованный, сделал запрос в сети и получил сведения, немало подивившие его.

На самом деле, многое, и даже слишком многое, сходилось. Имелся у индейцев майя бог, способный снести все невзгоды, Болон Юктэ, связанный с Марсом. Имелся одноногий Бог

ураган, способный достигнуть неба, но не возвращающийся обратно. Имелся пророк Чиван Каох, который собрал все книги предков, доказывал в дискуссиях с новоявленными адептами, что старая индейская вера лучше, и он так же был сослан и исчез бесследно.

Но больше всего удивило то, что еще до прибытия испанцев (в 1528 году) в народе жила вера в бородатых людей, которые принесут крест, и на окраине какого-то города Каэрто Куэрто существовало святилище в пирамиде, где справлялся культ «Говорящего креста», и имелся там чревоушитель Магуэль, обещавший месть испанцам и поднявший через десяток лет угнетения народное восстание.

Имелся тут и некий Диего ди Ландэ, который организовал сжигание старых предметов культа и книг майя...

Наконец, имелись здесь сведения и о нефритовых изделиях, которые почитались, как священные; об одном, в виде сосуда, хранящем светящуюся воду, говорилось, как о сосуде, способном превращать серебро в золото.

Здесь же было и описание одноногого нефритового идола, образец которого был доставлен по специальному заданию императора Петра I в Санкт-Петербург. Идол переносил души умерших с Земли на Марс, с верхней половины которого взамен поставляемых душ снимал с планеты Марс, скорлупу и доставлял на Землю...

Многие верили и вечерами, глядя на звезду, крестились.

Последнее что-то напомнило Вьегожеву, и он, вернувшись к пометкам, оставляемым ранее по прочтению страниц текста о жизнеописании Ивана Протасова и связанных с ним лиц, нашел то, что искал.

Те, кто называл императора Антихристом, приписывали ему и такое злодейство: что, якобы, он, отправлял с помощью двуногих и одноногих идолов души умерших на Марс, чтобы в судный день Спаситель не смог найти их на Земле и воскресить; и чтобы остались те загубленные души служить Антихристу.

А Петр доставлял взамен с той звезды, прямо по Синеи воздушной реке, незримо оплетающей небо, марсовую горную породу, чтобы наполнить ею свои злоеющие лабиринты в Екатеринбурге и в подземельях Замаранихи.

Но если одноногие идолы могли лишь поднять в небо души, то двуногие могли и спуститься на той Синеи невидимой реке в нефритовых лодках.

И еще ходили слухи, что копал царь этих идолов в Рифейских горах, на Уграе и на Яике.

И дополнялись слухи тем, что, якобы, возил их царь в нефритовых бочках с синим огненным вином, которое в подземельях Екатеринбурга светится и течет, как река, по всем лабиринтам и прокладывает в них похожие на все мироустройство на земле и в небе таинственные витки...

«...А вслед появилось и такое мнение, что можно увидеть подобные одноногие и двуногие фигурки идолов в лавке сына покойного новгородского купца, бывшего кормчего царя Антихриста, Прова Протасова.

Иван попросту доставал из многочисленных сундуков отца, бывшего известного путешественника и купца, и выставлял на продажу, как игрушки...»

2

«...Открылась дверь лавки, - читал Вьегожев, - и на пороге встал сухой и скрученный снизу доверху, точно корень, человек с длинной, как помело, бородой, с огненным взором, словно, пришедшим испепелить лавку до золы. И в лавке сразу показалось темнее. Потухли искры на окладах икон; а вытворено тех икон было во множестве: и медных уральских, и финифтяных из Ростова-Великого, и расписных деревянных из Великого Новгорода.

За прилавком стоял помощник хозяина, подмастерье Лука, двадцатилетний, долговязый, с шапкой светлых волос, чуть курносый, немного неуклюжий, но крепкий и с упрямыми складками у большого красивого рта.

- Тебе чего, дядя? – спросил Лука, слегка сторонясь чужого строгого глаза, обшаривавшего каждый угол, будто виделось ему там по черту и бесу.

- Ты пошто столько идолов накалечил? – спросил «корень». И ткнул пальцем и в иконы, и в железные омедненные и каменные фигурки.

- Как пошто? Для тех, кто богу молиться приучен, и кто денег на то не жалеет. Что вам продать, выбирайте!

Старик зло исторгнул и глубин бороды, где пряталась упрямая складка рта и язык, как жало змеи, слова:

- На церковь денег вертеп разбойничий просит, народ зорит. И ты тоже, уподобясь разбойнику, от имени Бога денег себе сотворяешь? Поклонник ты идолов! – И он вдруг поднял ровный, тяжелый, украшенный нефритовыми пластинами, посох. В намершии посоха Лука увидел что похожее на большую ракушку улитки...»

- Да это фрактальная сущность! Поглядим дальше! – мысленно воскликнул Вьегожев. И он продолжил чтение:

«... - Вот еще! Ты ругаться сюда зашел? Так уходи, откуда пришел. За дверью есть с кем лаяться!

Старец и не думал отступать.

- Иконы – идолы, творение рук человеческих, они – не Бог и не пророк, чтобы им поклоняться. Бог – он в тебе, и пророк – он в тебе. Бог говорит с пророком и вещает ему, как нам жить надлежит. А иконы – обман! Твоих икон много, ты богоотступник и вор! Лавку твою я сомну в клубок и размотаю на небе! Есть у меня этот посох, - вновь потряс им старик, - как не покаешься, да как лавки не бросишь - истлеешь вместе с ней на небесах, и косточек не найдут!

- Эй, люди! – крикнул Лука. – Нет, погоди, пошли прочь! - выгнал он сбежавшихся подмастерьев, решив не поднимать вокруг лишнего шума. Хозяин лавки Иван Прович этого бы не одобрил. Он решил уладить все мирно.

- Ты, дядя, смелый, но речи твои тебе же во вред! – сам пошел он в атаку. - А торговому делу нашему ты, дядя, серьезный враг. Ты забыл, что в лавке много другого добра? Вот прялки, вот колосники чугунные, вот ружье меткое. Хочешь – дам шелку, только не трогай лавки!

- А ружье зачем? Немецкое?

- Нет, клянусь, моего хозяина, дядюшка, собственной выделки! Кроме одного - английского: то ему приз за меткость. Если что, так и знай, - тоже не промажет!

- Хозяина, говоришь? Хорошо, - склонился на ружье старец. – Но и ружья – утеха Антихристу, как иконы – церковным попам, - вздохнул он. И, делая ружья, ты не поддерживаешь ли царя-«антихриста»?

- Уходи, говорю, несносны твои речи! И слушать ничего не хочу! – Лука демонстративно закрыл уши ладонями.

Старец подступил близко и говорил уже в глаза.

Борода его надо ртом вздымалась от тяжелого дыхания, а у кончика болталась, едва не задевая пояса.

- Жена его немка, и сам он – немец. Сына убил, других сынов своих помнил ли?

- Каких сынов?

- Сына не помнит русского, а уж и племянники есть. Цари Иваны по тюрьмам томятся.

- Откуда про это знаешь? – вопросительно шепнул Лука.

- Знаю! Знаю! Все ведаю! Вот твой хозяин – Иван. Его бы лучше царем, чем чужого. Ведаю! Но лавку брось! Ключи мне сейчас же отдай, и сюда больше не возвращайся. О причине

не спрашивай. Одно помни, что отец Ивана велел знать ему: придет молоканин и овенил и своего попросит, так – отдай!

- Сам ему и скажи!..

- Как позовешь – так и скажу!

Слуги уже сбегали за хозяином и сообщили о скандале в лавке. Иван спустился по потайной выходящей лестнице и услышал последние слова. Они его удивили, и он даже вздрогнул. Что-то подсказало: старец этот здесь неспроста.

- погоди, старик! – сказал он, и, встав напротив, не менее пылливо, чем этот странный гость, заглянул ему в душу. – Ты, верно, забыл, что бывает за такие речи? - Иван испытывал его. - вспомни того, кто взобрался на крышу лавки, поднял кlobук на палке и кричал, что царь – Антихрист?

Старик был упрям, но все же, прежде чем дать ответ, оглянулся и прислушался.

- Да, Антихрист, - почти зашипел он. - И что будет всех печатать, и только тем, кто запечатан, будет давать хлеб. – Он серьезно и всезнающе кивнул. – Но казненный был монах, - добавил он сокровенно, - и он страдал падучей болезнью. Тс-с!.. Прежде он служил капитаном драгун, спас генерала из плена, да Бог отметил за грех падучей болезнью, а Антихрист казнил.

- За Отечество капитаном быть разве грех?

- Не грех. Но он оговорил других! - И, упреждая вопрос, сказал еще, наставительно: - И наших овенилов и офенян хватают за бороды, жгут венниками, но только многие и под казнью копчением от старой веры не отрекаются!

Человече опять быстро оглянулся на дверь, будто почудился ему шум, насторожился и ткнул в окно посохом с наверху в виде дома улитки. Ивану показалось, что он уже где-то прежде видел такой, может, и в своих старых книгах.

«Зачем он привязался к нам?» - думал Иван, не испытывая к незнакомцу ничего, кроме добрых чувств, и лишь опасаясь, чтобы скандал не вышел за двери лавки.

- Теперь же нас вовсе со свету сживают, ссылают в каторги и в Сибирь, - все твердил тот. - Много наших братьев ушли в сады Подболотья. И тут, под Замаранихой, есть такой сад и произрастает он под оком «Чудесного витка завета»... Ты вот что... - И старец, сначала чутко прислушавшись к двери, быстро полез за пазуху, укрытую его безмерно длинной бородой, и вынул две деревянные фигурки. – Спрячь это до времени, мне теперь с ними нельзя. Лишь выйду вон, так их отнимут, а меня опять в тюрьму!..

Иван машинально взял фигурки, а старец взял в руки свою длинную бороду, перебрал ее через левое плечо и, повернувшись, быстро вышел вон.

- Бывает же такое! – сказал Лука, принимая из рук Ивана и разглядывая фигурки: одного и двуногого бородатых идолов, чем-то напоминавших только что посетившего их гостя. - И чего их прятать? – сказал он.

- Ладно, положи хоть куда-нибудь недалеко: придет обратно, чтобы не забыть, куда дели!

3

Иван оглядел свою лавку, окинул взором Луку. Все было и в лавке, и в его помощнике ладно, благообразно. Сам же он был одет в опрятный купеческий костюм, щегольски шитый серебром, и обут в новые сапоги.

Он посмотрелся в зеркало, висевшее на стене, и остался очень доволен.

Не слишком высок, но выше среднего роста, слегка коренаст, но гибок и тем силен и строен.

Темно-русые вьющиеся волосы, ровные черные брови, пронизательные темно-серые глаза, красивый овал лица, с несколько затвердевшими скулами, слегка покрытыми жесткими завитками усов и бороды.

Широкий лоб, который, по его мнению, значительно украсил бы дворянский парик...

У него здесь в полуподвале имелись небольшая мастерская, станки. Только что с выгодой им была закуплен партия мануфактуры, в которой он знал толк с детства. Дела его все более налаживались. Как можно было отказаться от этого, да еще тогда, когда жила на душе мысль предстать перед лицом государя человеком деловым и успешным.

Он должен отличиться, попасть в царские лаборатории. А потом он сделает все для того, чтобы стать дворянином... Начальник лабораторий граф Томов уже замолвил о нем слово императору, и в любой момент от графа могла прийти весть, что он должен перебираться на квартиру, приготовленную для него и его помощника Луки на территории литейного цеха со своей лабораторией.

- Ладно, не слушай ни чьих речей, работай спокойно дальше, - сказал он Луке.

Едва он повернулся к распашной двери, за которой начиналась лестница, ведущая на второй этаж его торгового особнячка, как дверь вновь широко распахнулась, и на пороге предстал ни кто иной, как сам Корень Молоканов.

Иван Никогда не видел его, но сразу признал. Он был отцом его любимой девушки, которая пряталась у еврея Холона-самаритянина в мясной слободе, и граф Томов, от которого у Ивана не было секретов, обещал охранять ее до тех пор, пока ее отец Молоканов в немилости и в тюрьме.

И вот он, отец Лизаветы, - на свободе! И почему здесь? Может, пришел, спросить о дочери?! Но кто ему раскрыл эту тайну?! Тайну знали только он, граф Томов, Холон и тот, кто рекомендовал Холона, купец Мокей Вишховатый.

Высокий и дородный, широкой кости, но, видно, уже слабый от забот, был Корень в опрятном удлиненном кафтане, украшенном лентами, но без всяких блесков.

Он тоже был бородат, но борода его торчала лопатой, была широка и тверда. Твердость выражал и взор его глубоких светлых глаз, в которых поблескивало желание бодаться под мохнатыми, но еще черными бровями.

Иван поздоровался первый, с уважительным поклоном.

Тот, ответив кивком, начал с главного, заботящего его:

- Дочь моя про тебя мне поведала! – сказал он не без торжественности. - И узрел я знак! Ты есть тот, кого ждал я три года.

И ты пойдешь в мою веру! – сказал он и ударил посохом.

И познаешь смысл души своей, и виток завета пути своего! – сказал и ударил второй раз.

И придет время, и сам станешь христом среди мирских христов! – ударил в третий.

И послужишь царю истинному, когда он явится тебе!

Иван прервал старца.

- Царю истинному? Которому же? Скажи, если знаешь! – Задав три вопроса, словно отвечая на три первых удара посохом, Иван встал в позу протеста против любых опасных слов, которые мог изрыгать напавший на него человек-дух.

За бороду бы такого духа, да на улицу! Но это был отец девушки, которую он любил.

Судьбе было угодно, чтобы он, Иван, мечтающий служить императору, столкнулся с той непримиримой силой, которая во всеуслышанье готова была клеймить его.

За одну секунду перед мысленным взором Ивана пронеслись сцены, как он случайно встретил Лизавету в ту минуту, когда ее домогался поручик Бецкий, племянник самого про-тоинквизитора Санкт-Петербурга - выслеживавшего всех инакомыслящих из раскола.

И всех их вместе столкнула судьба!

Лизавета стала еще дороже, когда он, Иван, спас ее и в тот раз, когда Бецкий хотел выкрасть ее из ее собственного дома, где лежала почти при смерти ее больная мать, жена Корень Молоканова.

Корень до того времени был вызван для прений в Синод и был обвинен там в заговоре.

Пока Корень пребывал в тюрьме, он, Иван, тайно вывез и спрятал его жену и его дочь в пригороде, на ферме, в скрытом подвале поставщика мяса императорскому дому.

Иван с благодарностью вспомнил, как на ферму Холона, гарантировав там надежное убежище, указал старый приятель отца, поставщик греческих вин императорскому двору Мокей: он же в свое время и рекомендовал Холона в качестве поставщика мяса двору.

Да, кто мог заподозрить, что Холон прячет беглецов, тогда как здесь неусыпно приглядывали за скотом, за его разделкой, складированием в ледяных холодильниках и поставках дозорные императорской кухни.

Он, Иван провел Бецкого, обезвредил предателя Митяя, работавшего в доме у Молокановых прислужником, который пошел на сговор с Бецким, чтобы спасти родного брата, доверенное лицо Молоканова, Хому Ротощева.

Иван выкупил Хому за крупный драгоценный камень, и тоже прятал его у Холона. И теперь его брат Митяй поклялся отдать жизнь за благодетеля Ивана Протасова.

Да, он, Иван Протасов, нуждается в верных людях, в том числе тех, кого он пощадил, кого облагодетельствовал, кто может далеко разнести славу о его силе и благородстве.

У него, у Ивана Протасова, родились удивительные мысли, которыми он не делился пока ни с кем, даже с добрым другом графом Томовым, даже с любимой Лизаветой.

Может, он и сам хотел стать царем – но принятым в таком образе на бескрайних просторах России всем народом.

Все это проносилось в голове Ивана, в то время, когда он смотрел в глаза отцу полюбившейся девушки, когда отвечал ему, когда задал вопрос: «Царю истинному? Которому же? Скажи, если знаешь!»

- А Ивану VII, по закону – долетали до его сознания, как из бездны таинств, слова старца Кореня Молоканова.

- Но кто же, он, седьмой? – машинально слал он вопрос, начиная испытывать благоговение перед старцем.

- Вижу! И его, и другого вижу! Ивана VIII-го! Всего их трое! Один в тюрьме томится, другой моряк, а третий рядом и про себя о великом помышляет! Придет срок, ты их троих узнаешь, но вызволишь из тюрьмы не первого, а второго! Так в скрижалях начертано!

- Ты говоришь, как пророк. Это в зеркалах своих увидал, о которых люди толкуют, или в «Чудесном завитке завета»?

- Тихо!.. - Корень вдруг резко и властно протянул к нему руку, ладонью вперед, и затряс ею.

- Молчи! – вскричал он. И тут же пылливо спросил:

- Говори, где об этом проведал?!

- Так весь город теперь о том и судачит!

- А коли такой внимательный к словам человечим, так послушай еще! Лавки твоей по ветру пускать не станут! Я не позволю. Потому, что вижу: ты еще сомневаешься. - И с этими словами старец опять стал стучать посохом:

- А засомневаешься пуще!

- И не станешь ниже того, кому сегодня готов целовать ноги, как Богу. А станешь с ним вровень!..

- А теперь, Иван, выполняй волю отца: скорей дай мне железных зеркал, ибо настала пора для великого переселения в Китеж-град и сбора христовых российских на Вселенский собор от моего порога в Беломорье!

Иван вздрогнул от таких слов. Он давно ждал человека, кому понадобятся зеркала, но никак не в ту минуту, когда выслушал много обидных слов и невероятных пророчеств.

Он держал в сундуке отца различные предметы, привезенные его отцом из Америки, и судьба целых упаковок металлических пластин, перевязанных в тонкие крепкие кожаные упаковки неведомых животных, с тех пор как ушел из жизни отец, постоянно волновала его.

- Так это о вас мне говорил отец: что придет человек и попросит зеркал?! – обрадовано спросил Иван. - Сколько их вам? – спросил Иван, увидев важный кивок.

- Дай три свертка: где три, пять и восемь!

Иван приказал Луке запереть дверь, быстро сбежал в мастерские, оттуда в потайной ход и, пройдя лабиринт, достиг потайного подвала.

Там он открыл сундук, вынул несколько упаковок, посчитал в них пластины, нашел нужные и, обернув куском бархата, вернулся и отдал их Кореню.

Иван мысленно благодарил себя за предусмотрительность. Он уже воспользовался одной, отдельно завернутой в кожу, пластиной, которая спасла ему жизнь, а распаковал те, что составляли всего пару...

В сундуке оставались другие, побольше и тяжелее.

Эти же чудесные металлические пластины, с какими-то рисунками и знаками, которые он сейчас передавал старцу, были легкими, как дерево.

4

В дверь кто-то быстро застучал. Лука, успев выглянуть в окно, тотчас отворил ее. Негромко взвизгнув на петлях, дверь пропустила в лавку высокую белокурую девушку.

Это была Лизавета! На один миг она показалась Ивану небесным созданием. Вслед за нею ворвался в лавку и невидимый таинственный вихрь: как ангел, всегда круживший над ней. Иван тут же поймал на себе ее любящий взгляд, но сейчас он был взглядом, вобравшим в себя, помимо любви и благодарности, помимо вины, что она не могла сообщить о своем освобождении, также и мольбу: это была мольба извинить ее за спешку, что она не бросилась прежде к нему, не поцеловала его; и что ей надо к отцу.

Схватив Кореня за рукав, она решительно потянула его к двери.

- Отец, поспеши, там уже собираются страшные люди! Я слышала, как на тебя указали: «Христос молоканский в лавке, как выйдет - хватайте его!»

- Сам это слышу! – строго сказал ей назидательно Корень, застыдившись, что его, пророка, как куклу, кто-то тянет за рукав. – И сам это вижу! А ты лучше погляди на своего красавца, - указал он на Ивана. – Гляди, гляди сюда, - поднял старец руку, и в ней оказалась кривая, как змея, клюка. Она была направлена на полки с расставленным на них товаром. – Видишь, как порчена эта душа? Мечтает ли Антихристу присягнуть?

- Знаю и тоже все вижу, отец! – воскликнула она в отчаянии, но мелодичным голосом, убиравшим подпорку из-под ног Ивана. Он уже сам был готов превратиться в ее ангела. - Не про него сейчас сказ, отец! Он своего дождется!..

Ах, какие это были слова! И какой их сопровождал прекрасный взгляд! Но она больше не могла ни смотреть на него, ни слушать его. Иван почувствовал, еще минута, и она примет решение лучше умереть, чем бежать, как и ее отец. Встанет, как вкопанная, а там будь, что будет.

Но ведь Кореня только что выпустили! Не бежал же он?!

Иначе граф Томов попросту не позволил бы Лизавете покинуть ее убежища у Холона?!

Путей к отступлению у них не было. Обняв ее, точно околдованный, Иван попытался заглянуть в сердцевину ее невероятно красивых, глубоких, с мольбою увертывающихся от его взора светлых, небесно-голубых глаз. Но, увертываясь, они были словно цветком, принадлежавшем пчеле, который направил в ее тычинки с нектаром свой важный - для продолжения ее жизни - хоботок.

- Пусти! Отпусти же нас! Нам надо спешить! – проговорила тихо она, почти задыхаясь. – Вырвавшись, она подбежала к окну и выглянула в него. - Может, у нас еще есть время? - вопрошала она с надеждой. - А если поздно, вы с Лукой поможете нам бежать! – наконец, решительно заявила она.

Лука уже держал в руках ружье.

То, что происходило в течение этих и последующих минут, проплывало, показалось Ивану, в ином времени и в иных условиях. Иван помнил, как долго не выпускал из объятий девушку, как тоже потянулся за ружьем. И то, что хотя Лука уже взял ружье, оно отчего-то должно лежать на полке. Но если это было не то же самое ружье, а его подобие, рука отчего-то бесконечно долго не могла дотянуться до него. Но, в конце концов, он ощутил твердь цевья и приклада, тяжесть дула, наклонившегося вниз. Затем он зарядил его, перед тем прочистив шомполом, насыпав порошу и заложив пыж.

Все было будто во сне.

В течение этого времени Лизавета лишь успела вновь подбежать к окну и обратилась к Ивану с одной-двумя фразами, на что ушло, вероятно, не более двух-трех секунд.

И в течение этого же времени Иван смог слышать и долгий, обращенный к нему разговор Кореня Молоканова, предъявившего претензии к хозяину лавки. Иван их внимательно выслушал и что-то на них отвечал. «Я не слуга Антихриста, а простой человек! Я почитаю царский закон, и твои проповеди мне чужды!» – Так, казалось ему, он отвечал старцу, не узнавая и как бы вообще не слыша ни своего голоса, и ни чьего другого.

Но звуки его голоса, все же, зримо плыли в каком-то возникшем в помещении лавки тумане. Как в кристалле. Казалось, были видны оставляемые ими тягучие следы.

Вдруг Ивану стало видно то, как перерождались эти звуки в пространстве, преобразаясь в неизвестные ему, но теперь понятные до каждой извилинки, знаки и символы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.